

Черногорско-
албанское языковое
пограничье: в поисках
«сбалансированного
языкового контакта»*

Montenegrin-Albanian
Linguistic Border:
In Search of “Balanced
Language Contact”

Мария Сергеевна
Морозова

Maria S. Morozova

Александр Юрьевич
Русаков

Alexander Yu. Rusakov

Институт лингвистических
исследований Российской академии
наук (ИЛИ РАН), Санкт-Петербургский
государственный университет (СПбГУ)
Санкт-Петербург, Россия

Institute for Linguistic Studies of the
Russian Academy of Sciences (ILS RAS),
Saint Petersburg State University (SPbU)
St. Petersburg, Russia

Резюме

Целью статьи является уточнение содержания понятия «сбалансированного языкового контакта» (*balanced language contact*) и построение модели контактноязыковой ситуации (в прошлом и настоящем) в одном из этнически

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

Цитирование: Морозова М. С., Русаков А. Ю. Черногорско-албанское языковое пограничье: в поисках «сбалансированного языкового контакта» // *Slověne*. 2018. Vol. 7, № 2. С. 258–302.

Citation: Morozova, M. S., and A. Yu. Rusakov (2018) Montenegrin-Albanian Linguistic Border: In Search of “Balanced Language Contact”. *Slověne*, Vol. 7, № 2, p. 258–302.

DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.10

и лингвистически неоднородных районов черногорско-албанского языкового пограничья. Объектом исследования является ситуация в билингвальном сообществе села Веля-Горана (область Мрковичи на юге Черногории), в котором языковой контакт, на первый взгляд, демонстрирует черты «сбалансированности».

Языковая ситуация в Веля-Горане представлена в статье в виде ряда микроситуаций, или сценариев, реализуемых на уровне отдельной семьи и индивидуального говорящего. Внимание уделяется не только сценариям коммуникации в семейном домейне, но и внешним связям членов сообщества. На этом материале авторы делают попытку разработать методологию для оценки роли обоих языков в подобных сообществах вообще: показать, какие факторы влияют на индивидуальное языковое поведение; как это поведение меняется с возрастом; каким образом из достаточно разнообразных индивидуальных стратегий складывается то, что можно назвать речевым поведением отдельно взятого полилингвального языкового сообщества.

Анализ сведений об истории Веля-Гораны, в частности подробное рассмотрение происхождения, генеалогий и брачных стратегий населяющих ее семейств, позволяет реконструировать механизмы развития «лингвистической экзогамии» в сообществе Веля-Гораны и сделать предположения о характере контактной ситуации в регионе в прошлом.

Ключевые слова

«сбалансированный языковой контакт», Черногория, племя мрковичей, Веля Горана, славянско-албанский билингвизм, семейный домейн, выбор языка, смена языковой доминанции, смешанные браки, лингвистическая экзогамия

Abstract

The article aims to clarify the notion of “balanced language contact” and to model the situation of a language contact (in the present and the past) in one of the ethnically and linguistically mixed regions of the Montenegrin-Albanian linguistic border. The study focuses on the situation in the bilingual community of the village of Velja Gorana, located in the area of Mrkovići in Southern Montenegro. The community of the village, as it seems at a first glance, provides a good example of a “balanced contact” situation.

The language situation in Velja Gorana is described in the article as a set of micro-situations, or scenarios, developing on family and individual levels. Attention is paid not only to the communication in the family domain, but also to the external relations of the community members. Following on from this material, the authors attempt to develop a methodology for assessing the role of both languages in such communities in general, showing which factors influence individual linguistic behavior; how this behavior may change during an individual lifetime; how the different speakers’ strategies amalgamate in what can be considered as behavior of a multilingual speech community.

Analyzing the information on the history of Velja Gorana, in particular, conducting a detailed examination of the origins, genealogies and marriage strategies of its families, allows the authors to reconstruct the mechanisms for the development of “linguistic exogamy” in the community of Velja Gorana and to make assumptions about the nature of the contact situation in this region in the past.

Keywords

"balanced language contact", Montenegro, the Mrkovići tribe, Velja Gorana, Slavic-Albanian bilingualism, family domain, language choice, change of language domination, mixed marriages, linguistic exogamy

In an ideal world what happens at the micro level of the bilingual community should be the direct consequence of the behavior of individual bilinguals.

Peter Muysken¹

1. Введение

Славяно-албанские языковые и этнические контакты на западе Балкан не раз становились объектом изучения в трудах историков, этнографов и лингвистов. Внимание исследователей привлекали проблемы славяно-албанского двуязычия, албанизация славянского и славянизация албанского населения отдельных областей [Селищев 1931; Десницкая 1976], общественный строй, быт и родственные связи албанцев и славян [Ровинский 1897; Šufflay 1925; Ђурђевић 1984], анализ славянских элементов в албанской лексике (см. библиографию в [Sobolev 2012]) и албанских лексических заимствований в южнославянских языках и диалектах [Нохча 2001], изучение взаимного славяно-албанского языкового влияния, охватывающего все уровни системы языка [Станишић 1995; Omati 2012; Curtis 2012; см. также библиографию к Curtis 2012].

В настоящей статье анализируется ситуация в одном из микрорегионов черногорско-албанского языкового пограничья, которое исторически представляет собой зону интенсивного взаимодействия славян и албанцев. В разделе 1 дается краткая характеристика лингвистических последствий взаимного черногорско-албанского контактного влияния и вводится понятие «сбалансированного языкового контакта» (*balanced language contact*), содержание которого будет уточнено в результате анализа. В разделе 2 приводятся основные географические, исторические и демографические сведения об изучаемом регионе. Раздел 3 посвящен синхронному описанию, а раздел 4 — истории формирования лингвистической ситуации в отдельно взятом билингвальном сообществе. На примере этого сообщества показано, какие параметры могут быть существенными для ситуации «сбалансированного контакта» и какие факторы определяют ее возникновение и сохранение.

¹ «В идеальном мире все, что происходит в билингвальном сообществе на микроуровне, должно быть прямым следствием поведения индивидуальных билингвов» [Muysken 2010: 267].

1.1. Черногорско-албанское пограничье как ареал славяно-албанских контактов

К числу основных ареалов славяно-албанских (ранее славяно-албанороманских) контактов на западе Балкан относится область вокруг Скадарского озера, на границе современных Албании и Черногории [Соболев 1990: 14; Curtis 2012: 34]. Поскольку первые ясные упоминания об албанцах встречаются лишь в документах второй половины XI столетия, точное время начала этих контактов неизвестно. Однако вполне вероятно, что они возникли через сравнительно непродолжительное время после появления славян на Балканах в VI–VII вв. н. э. В период, когда описываемая территория входила в состав государства Неманчей и возникшего на его руинах сербско-албанского княжества Балшичей, а также в первые столетия османского господства на западе Балкан, славяно-, албано- и романоговорящее население интенсивно контактировало и смешивалось в ходе скотоводческих миграций, разделения и расселения родоплеменных групп — черногорских *племен* и албанских *фисов*². Развитию двустороннего славяно-албанского двуязычия, по меньшей мере до начала XX века, способствовали контакты на совместных пастбищах, торговые и иные экономические связи между славянскими и албанскими поселениями и отдельными семействами [Соболев 1990: 15], смешанные браки и отношения духовного родства — кумовства и

² Изначально термины *племя* (серб. и чрнг. *племя / pleme*) у славян и *фис* (алб. *fis*) у албанцев обозначали группу людей, связанных происхождением от общего предка. В византийский период старая племенная структура была расшатана в результате смешения (разделения и расселения) древних родоплеменных объединений и появления славянских, а затем и албанских государственных образований. Впоследствии кризис раннесредневековых южнославянских государств и албанских княжеств и османское завоевание на западе Балкан привели к возрождению старой племенной организации общества [Цвијић 1922/1966: 85; Бурђеџев 1984: 54–55; Ердельановић 1926/1997: 607; Vanović 2015: 41]. Принадлежность к племени при этом определялась уже скорее проживанием на закрепленной за ним территории, чем наличием реального или мифического общего предка [Bogišić 1874: 514; Vanović 2015: 44]. В северной Албании процесс новообразования смешанных *фисов* происходил «еще в сравнительно недалеком от нашей эпохи время — на протяжении последних 4–5 столетий» [Десницкая 1968: 57]. В горных районах Черногории тенденция к консолидации новых славянских племен наметилась по меньшей мере в конце XIV — начале XV века. Большинство новых черногорских племен сформировались в результате объединения албанских, славянских и влашских пастушеских поселений, а также миграций и смешения разных родов албанского и славянского происхождения [Цвијић 1922/1966: 97; Бурђеџев 1984: 85–110; Ердельановић 1926/1997]. Одним из самых известных в сербской этнографии примеров является племя кучей на юго-востоке Черногории. В него входят потомки нескольких старожильческих сербских родов, переселенцы из Албании, пришедшие на племенную территорию кучей после падения Сербского царства, и славянизированный албанский род Дрекаловичей, которые мигрировали в Черногорию из Албании в конце XVII в. [Ровинский 1897: 81–82; Ердельановић 1907/1981: 117, 158–172].

побратимства, которое по степени значимости приравнялось к кровному родству [Kaser 2008: 51–57]. В османский период важным фактором славяно-албанского взаимодействия на севере Албании и юге Черногории стала исламизация части населения и связанное с этим процессом укрепление матримониальных связей внутри местного мусульманского сообщества, состоящего из албанцев и славян.

В настоящее время албанское этническое меньшинство проживает на юге и на востоке Республики Черногории, в общинах Бар, Улцинь, Рожае, Плав и Подгорица [Monstat 2011: Tabela O17], а в области Шкодры на севере Албании есть славянские (черногорские) села [Instat 2011: Tabela 1.1.12, 1.1.14]³ (см. карту 1⁴).

В современных албанских и черногорских⁵ говорах пограничья обнаруживается ряд фонетических, синтаксических и лексических инноваций, возникших в результате тесных исторических контактов албанцев и славян на территории этого региона. Кратко охарактеризуем некоторые из этих инноваций (более подробный обзор см. в [Morozova, Rusakov (Рукопись)]).

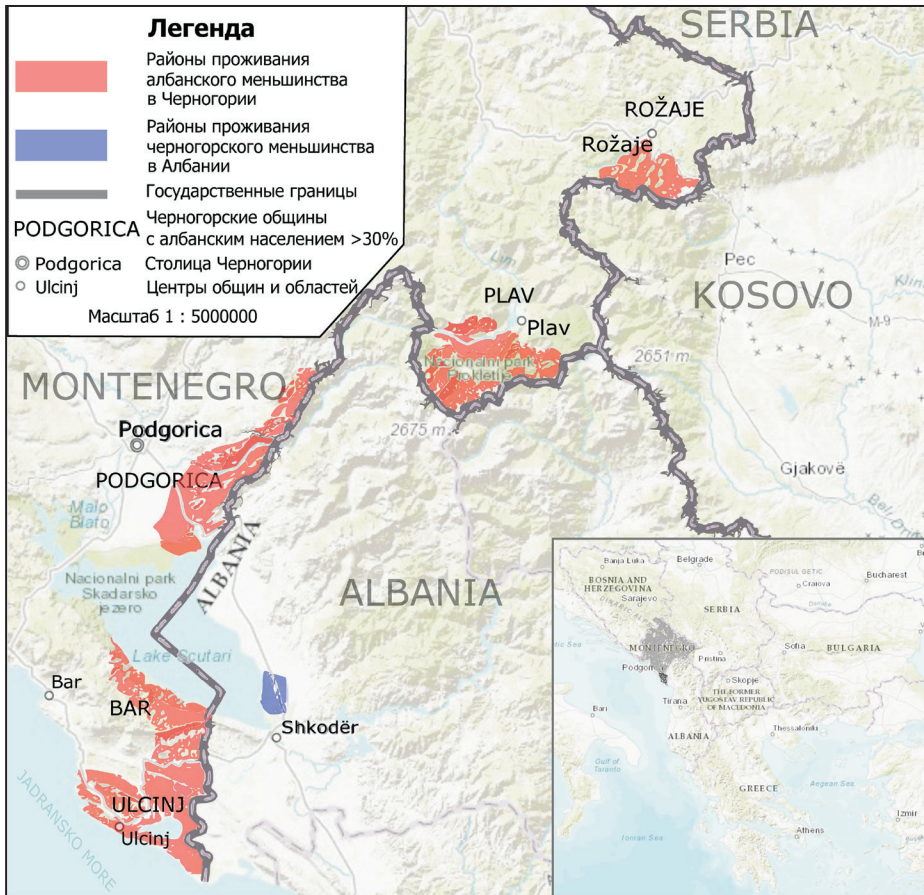
В области *фонетики* и *фонологии* контактное влияние проявляется в процессах частичного уподобления как звуковой реализации фонем, так и собственно фонемного состава и дистрибуции фонем. В некоторых случаях направление интерференционного воздействия достаточно

³ Община (чрнг. *opština*) – административная единица в Черногории, область (алб. *qark*) – административная единица в Албании. Далее мы сосредоточимся на одном из регионов черногорско-албанского пограничья, который охватывает территорию общин Бар и Улцинь на юге современной Черногории (подробнее см. раздел 2).

⁴ Карты, используемые в статье, подготовлены М. С. Морозовой при помощи приложений SAS.Planet (v. 190707.9476 Stable) и Inkscape (v. 0.92.1 r15371). Координаты населенных пунктов получены с сайта Mapkarta – The Interactive Map (URL: <https://mapkarta.com/>). Данные об этническом составе населения Черногории и районах расселения албанцев взяты из [Sekulović, Šaranović 2014].

⁵ «Черногорскими» в статье названы иекавские говоры восточногерцеговинского и зетско-южносанджакского диалектов штокавского наречия, распространенные на территории Черногории. Идиом сообщества Веля-Гораны, рассматриваемого в статье, также именуется «черногорским» – при его противопоставлении албанскому (см. раздел 3, где речь идет о распределении двух языков у билингвов). При этом не учитываются различия в названиях, которые используют сами носители (*srpski* 'сербский' / *crnogorski* 'черногорский' / *goransko* 'по-горански' / *mrkovsko* 'по-мрковски'), и гетерогенность черногорского (сочетание локальных и общечерногорских черт в речи разных говорящих), равно как и гетерогенность албанского идиома Веля-Гораны (см. [Morozova 2017a]). Кроме этого, в статье используются термины «сербохорватский язык» для обозначения языкового стандарта, который использовался в Черногории до 1992 г., и «черногорский язык» – для обозначения официального языка, который с 2007 г. является государственным языком Республики Черногории. Вопросы статуса языковых стандартов, возникших в бывших югославских республиках после распада Югославии, и теоретические проблемы сербохорватской диалектологии подробно не обсуждаются.

Карта 1. Черногорско-албанское языковое пограничье в современности

легко определить. Так, в албанском гегском говоре Улциня на юге Черногории под славянским влиянием произошла деназализация носовых гласных, присутствующих в фонологической системе гегских говоров албанского языка [Gjipari et al. 2007: карта 18]. В восточных и южных черногорских говорах, находящихся в контакте с албанским языком, в том числе в говоре мрковичей [Вујовић 1969: 130–133], напротив, отмечается назализованное произнесение гласных в позиции конца слова (назализация характерна и для более западных говоров черногорского Приморья, см. [Ивић 1985: 160]). Традиционно албанским влиянием объясняются некоторые явления, свойственные консонантизму черногорских говоров (и встречающиеся в других говорах сербохорватского диалектного континуума, контактировавших или контактирующих с

албанским): изменения в ряду латеральных сонантов, палатализация заднеязычных, особенности реализации аффрикат (подробнее см. [Ивић 1985: 161–162; Вујовић 1969: 156–162, 195–199, 204–205]). Не исключено при этом славянское влияние на реализацию некоторых согласных, в частности палатальных и аффрикат, в пограничных албанских говорах [Gjinari et al. 2007: карта 21].

В других случаях определить однозначно направление контактного влияния довольно сложно. Так, с албанским влиянием на черногорские говоры сербские диалектологи связывают оглушение звонких согласных на конце слова. Оно наиболее последовательно реализуется в говорах областей Мрковичи и Плав-и-Гусине и затрагивает отдельные согласные в других говорах черногорско-албанского языкового пограничья — в Црмнице, Зете, племенных областях Пипери и Кучи [Вујовић 1969: 199–202; Ивић 1985: 162]. Однако и в албанских говорах аналогичное явление распространено прежде всего в зонах интенсивных албанско-славянских контактов прошлого и настоящего: в севернотоскских говорах Албании, среднегегских говорах на территории Македонии, а также в северо-западных гегских говорах, включая албанские говоры на юге и востоке Черногории [Gjinari et al. 2007: карта 44]. Это затрудняет ответ на вопрос о направлении интерференции — особенно если учитывать, что речь в данном случае идет о достаточно распространенном «естественном» процессе.

Ареальным явлением неясного происхождения является лабиализация долгого $a > a^o$, встречающаяся как в северо-западных гегских говорах Ана-э-Малит и окрестности Улциня в Черногории [Десницкая 1968: 82–83, 86; Морозова 2017а: 229–230]⁶, так и в соседних с ними черногорских говорах [Вујовић 1969: 122–126; Ивић 1985: 160]. Фонетические условия изменения достаточно сходны [Morozova, Rusakov (Рукопись)]. Возможно, мы имеем дело с относительно старой ареальной чертой, обязанной своим возникновением венецианскому влиянию [Вујовић 1969: 126].

В плане *морфосинтаксиса* черногорско-албанское контактное взаимодействие проявляется прежде всего в *семантическом* и *структурном калькировании*. В большинстве случаев направление влияния достаточно очевидно. Так, *семантической калькой*, возникшей в черногорских говорах под албанским влиянием, является смешение комитатива и инструментала. В албанском языке для выражения комитативного и инструментального значений используется конструкция с предлогом *te*

⁶ Лабиализованное произношение носового или бывшего носовым a , а также ударного неносового a после носовых согласных характерно и для других гегских говоров, например Центральной Албании и Косово [Gjinari et al. 2007: карты 58, 64].

‘с’, управляющим аккузативом. В литературном сербском языке инструментальное значение выражается беспредложным инструменталом, а значение комитатива — конструкцией с предлогом *s(a)* ‘с’. В большинстве черногорских говоров конструкция с предлогом расширяет сферу использования и вытесняет беспредложный инструментал [Соболев 1990: 19–20], а в некоторых наблюдается противоположный процесс: предложные конструкции вытесняются беспредложными формами инструментала [Вујовић 1969: 307]⁷.

Примером *структурной кальки* является инновационная конструкция с предлогом *ge* ‘у; к’, управляющим номинативом, возникшая под албанским влиянием в черногорском говоре мрковичей: *njegova sestra e ge đevojka moja* ‘его сестра [находится] у моей дочери (букв. «девочки»)’, *pošli su ge gospodar* ‘они пошли к хозяину’ [Вујовић 1969: 269–270]. Ср. лит. алб. *isha te shoku* ‘я был у друга’, *shkoi tek i ati* ‘он пошел к своему отцу’, где предлог *te(k)* ‘у; к’ управляет номинативом. В албанских говорах региона, в свою очередь, можно обнаружить примеры калькирования управления некоторых глаголов.

Результатом структурной и семантической конвергенции, вероятно, являются некоторые изменения в *употреблении* грамматических форм и конструкций в говорах черногорско-албанского языкового пограничья, отличающие их от других идиомов соответствующих языков. К числу возможных последствий славянско-албанского взаимовлияния относится, например, генерализация аналитического перфекта в качестве основной формы, обозначающей действие в прошлом, и практически полное вытеснение им аориста в северо-западных гегских говорах, находящихся в контакте с черногорскими, где подобное употребление перфекта регулярно [Mulaku, Bardhi 1978: 311–314; Morozova, Rusakov (Рукопись)]. Противоположная тенденция к более устойчивому сохранению и употреблению форм аориста наряду с аналитическим перфектом в говоре мрковичей на юге Черногории [Вујовић 1969: 319], в свою очередь, может быть связана с албанским контактным влиянием.

Следствием славянско-албанской языковой конвергенции, вероятно, можно считать расширение сферы употребления конструкции с предлогом *od* и генитивом, которая в литературном сербском языке используется для выражения некоторых атрибутивных отношений (*čaj od nane* ‘мятный чай’, *ključevi od stana* ‘ключи от квартиры’), а также для обозначения родственных связей: *brat od strica* ‘двоюродный брат по отцовской линии’ (букв. «брат со стороны дяди по отцу») [Miloradović 2004: 312]. В говорах черногорско-албанского языкового пограничья

⁷ П. Ивич полагает, что подобное развитие является результатом албанского и романского влияния [Ивић 1985: 164].

эта конструкция употребляется вместо беспредложного генитива и выражает посессивные и иные определительные отношения, например «источник, происхождение лица или предмета»: (Мрковичи) *mleko o krave* 'коровье молоко', (Врака) *dijete o sestre* 'сын (букв. «ребенок») сестры'; «качественная характеристика лица или предмета»: (Мрковичи) *lekar o ranak* 'хирург (букв. «врач ран）」 и др. А. Н. Соболев [Соболев 1990: 16–19] полагает, что расширение сферы употребления конструкции с *od* в черногорских говорах может быть связано с влиянием албанского языка, в котором в структуре генитивного словосочетания в обязательном порядке присутствует связующий элемент, называемый в албанской грамматической традиции артиклем: *qumështi i lopës* 'коровье молоко'. «В условиях развитого двуязычия препозитивный (синтагматический) артикль албанского языка воспринимается носителем сербохорватского языка [...] как главный маркер синтаксической генитивной связи. [...] При калькировании подобных конструкций на сербохорватский место данного маркера и занимает наиболее близкая по структуре и синтаксической функции в словосочетании славянская языковая единица — предлог» [Ibid.: 17–18]⁸. Важным аргументом в пользу данной гипотезы является наличие в говорах Черногории топонимических названий вида *potok o Škurte* 'река Шкурта' (Мрковичи), которые структурно идентичны специфическим албанским синтагмам с топонимом в генитиве: *lumi i Devollit* 'река Девол' [Ibid.: 17].

В лексике сербских и черногорских говоров, контактирующих или контактировавших с албанскими, имеется значительное количество *калек*, возникших под албанским влиянием. См., напр., *ne je mi oko*, от алб. *s'ma ha syri* 'не думаю, что я смогу это сделать' (букв. «мой глаз не ест это»); *uzela ga na oči*, от алб. *e mori mësysh* 'сглазила его' (букв. «взяла на глаза») в области Плав-и-Гусине на востоке Черногории; клич *kojunaçi!* от алб. *kushtrim!* (букв. «кто храбрец(ы)?!») в племени кучи и др. [Omari 2012: 389; Станишић 1995: 59–60]. В говоре мрковичей отмечены названия осенних месяцев *prvi jeseni* 'сентябрь', *drugi jeseni* 'октябрь', *treći jeseni* 'ноябрь' (букв. 'первый / второй / третий [месяц] осени'), которые являются кальками с алб. *vjeshtë e parë*, *vjeshtë e dytë*, *vjeshtë e tretë* [Вујовић 1969: 355; Соболев 2015: 544]. Кальки с албанского имеются и в системе терминов родства говора мрковичей (подробнее см. [Mogozova (В печати)]). В албанских говорах на территории Черногории и Косово присутствуют не менее многочисленные кальки, например употребление

⁸ В данном случае не исключено и романское влияние на сербохорватские диалекты [Rižurica 1984: 93]. А. Н. Соболев тоже подчеркивает «несомненную роль калькирования ряда романских и албанских (с предлогами PREJ, NGA) предложно-падежных конструкций в развитии у предлога ОД ряда новых значений» [Соболев 1990: 18].

глагола *fitoj* ‘добывать; зарабатывать; выигрывать; побеждать’ в значении ‘получать’ (в лит. алб. — *marr*), подобно сербскому *dobiti* ‘получать, приобретать; получать (прибыль, выгоду); выигрывать; побеждать’; употребление *shërbehem* ‘обслуживаться’ в значении ‘пользоваться’ (ср. серб. *služiti* ‘служить; обслуживать’ и *služiti se* ‘пользоваться’: *Pjetri shërbehet mirë me frëngjishten* ‘Петр хорошо говорит по-французски (букв. «пользуется французским»)) и др. [Станишић 1995: 60]. Как отмечает М. К. Кертис, албанский язык, по-видимому, усвоил и явился источником примерно одинакового количества калек — в отличие от ситуации с лексическими заимствованиями и заимствованием словообразовательных аффиксов с ясным значением, в которой славянский вклад в албанскую лексику значительно богаче, чем вклад албанского в лексику южнославянских языков и диалектов [Curtis 2012: 74].

1.2. Контактные зоны Балканского полуострова: «сбалансированный языковой контакт»?

Если бросить самый общий взгляд на приведенные выше языковые примеры, обращает на себя внимание относительная умеренность и двусторонняя направленность языкового влияния. Ни одно из рассмотренных явлений не приводит к существенной перестройке какого-нибудь фрагмента языковой системы контактирующих идиомов. Следует особо отметить, что мы практически не наблюдаем интерференционных явлений, традиционно интерпретируемых как результат сильного контактного влияния: заимствования флективных морфем, появления новых категорий или граммем, значительных изменений в фонологической системе.

Как кажется, лингвистические примеры черногорско-албанского взаимовлияния хорошо согласуются с общими историческими представлениями о характере этого взаимодействия в этом регионе и на Балканах в целом — в частности, с представлением о том, что при формировании балканского языкового союза важным определяющим фактором является «ситуация активного двустороннего билингвизма» [Русаков 2007: 84] / «взаимный полилингвизм в ситуации интенсивного и тесного контакта» («intense, intimate, and mutual multilingualism», согласно [Joseph 2010: 625]) / «недоминантный билингвизм» [Соболев 2017]⁹. По-видимому, такой интенсивный взаимный языковой контакт имел место и в какой-то степени продолжается на границе современных Албании и Черногории.

⁹ О том, что «балканские языки [...] образуют языковой союз без асимметричных отношений доминанции или значительных языковых сдвигов...» писали еще в 1988 г. С. Г. Томасон и Т. Кауфман [Thomason, Kaufman 1988: 95].

Можно предположить, что ситуация в черногорско-албанском пограничье, как и по крайней мере некоторые из ситуаций, которые предлагаются в качестве базовых для объяснения процессов образования балканского языкового союза, укладывается в рамки понятия «сбалансированного языкового контакта» (англ. *balanced language contact*), привлекающего в последнее время большое внимание многих контактологов. Вот как, к примеру, определяет этот тип контакта Александра Айхенвальд: «в ситуации длительно существующего лингвистического ареала и стабильного мультилингвизма с отсутствием отношений доминанции языковой контакт является "сбалансированным"» [Aikhenvald 2007: 43]¹⁰.

По всей видимости, свойствами, входящими в само определение данной ситуации, являются (относительно) высокий уровень билингвизма, (относительная) стабильность, то есть протяженность во времени и отсутствие выраженной доминанции какого-либо из языков, участвующих в данной ситуации. Каковы, однако, необходимые значения этих параметров и есть ли еще какие-то свойства, присущие ситуациям подобного типа, остается неясным.

Далее в статье мы попытаемся описать билингвальное сообщество, как будто бы соответствующее упомянутым выше параметрам. Речь пойдет о селе Веля-Горана (чрнг. *Velja Gorana*¹¹), расположенном в племенной области Мрковичи на юге Черногории, неподалеку от границы с Албанией. Материал для исследования был собран в ходе экспедиций 2014–2015 гг., проведенных коллективом ученых из ИЛИ РАН, МАЭ РАН и СПбГУ¹². Регион черногорско-албанского пограничья, в котором находится рассматриваемое село, до настоящего времени остается зоной интенсивного этноконфессионального и лингвистического взаимодействия (подробнее см. раздел 2).

¹⁰ «[I]n a situation of a long-standing linguistic area and stable multilingualism without any dominance relationships, language contact is 'balanced'». П. Мэйскен, перечисляя различные «сценарии» протекания языкового контакта, называет, по-видимому, сходную ситуацию «грамматической конвергенцией при длительном стабильном билингвизме» («grammatical convergence under prolonged stable bilingualism») [Muysken 2010: 271–272].

¹¹ Современные топонимы и антропонимы в тексте статьи записываются латиницей, которая официально используется в Черногории (названия населенных пунктов и территорий со славяноязычным населением, имена и патронимы жителей исследуемых сел и пр.), и стандартной албанской латиницей (наименования албаноязычных районов и населенных пунктов, расположенных в Албании и Черногории). При цитировании источников (переписей, исторических документов) сохраняется написание топонимов и антропонимов, принятое в источниках.

¹² Коллектив экспедиций: д. ф. н., проф. А. Н. Соболев (рук., ИЛИ РАН, СПбГУ), к. и. н., доц. А. А. Новик (МАЭ РАН, СПбГУ), к. ф. н. М. С. Морозова (ИЛИ РАН, СПбГУ), к. и. н. А. С. Дугушина (МАЭ РАН), к. и. н. Д. С. Ермолин (МАЭ РАН), к. ф. н. А. Л. Макарова (ИЛИ РАН).

На примере коммуникации нескольких семей и внешних связей разных представителей сообщества Веля-Гораны, мы рассмотрим, что представляет собой ситуация сбалансированного языкового контакта на уровне семьи и отдельного говорящего (раздел 3). Камертоном нашего анализа будет приведенное в качестве эпиграфа высказывание выдающегося исследователя языковых контактов Питера Мэйскена [Muysken 2010: 267]. Мы попытаемся проследить, как в реальном мире Веля-Гораны из индивидуальных стратегий носителей языка складывается то, что можно назвать речевым поведением отдельно взятого би- или полилингвального языкового сообщества. Результатом такого анализа может явиться уточнение содержания понятия «сбалансированного языкового контакта».

Кроме этого, не раз отмечалось, что современные полиэтнические, полилингвальные и поликонфессиональные сообщества Балкан «могут быть моделью <...> для научной реконструкции этноязыковых процессов в Средние Века, Новое и Новейшее время» [Соболев et al. 2013: 10]. В разд. 4, обратившись к истории семейств Веля-Гораны, мы попытаемся показать, в каких условиях возникла и как развивалась описываемая контактная ситуация в селе. Результатом изучения данного сообщества в синхронии и диахронии станет модель ситуации этноязыкового контакта, которая могла существовать в области Мрковичи и в целом в черногорско-албанском языковом пограничье, а также входить в число разнообразных контактных ситуаций, сыгравших важную роль в формировании балканского языкового союза.

2. Мрковичи и Веля-Горана на юге Черногории

2.1. Географические, исторические и демографические сведения о регионе

Частью современного черногорско-албанского этнического и языкового пограничья является небольшая горная местность на юге Черногории. Ее естественными пределами служат Адриатическое море (чрнг. *Jadransko more* / алб. *Deti Adriatik*) на юге и западе, Скадарское озеро (чрнг. *Skadarsko jezero* / алб. *Liqeni i Shkodrës*) на севере и река Бояна (чрнг. *Bojana* / алб. *Bunë*), по которой проходит государственная граница с Республикой Албанией, на востоке (см. карту 2). Административными и культурными центрами региона являются города Бар (чрнг. *Bar* / алб. *Tivar*) и Улцинь (чрнг. *Ulcinj* / алб. *Ulqin*).

Задолго до появления славян на Балканах эта приморская область, заселенная иллирийскими племенами, была освоена древнегреческими колонистами, затем захвачена римлянами, а после распада Римской империи перешла к Византии. В дальнейшем территория между Баром

и Улцинем входила в состав средневековых сербских государственных образований: княжества Дукля (или Зета; до конца XII в.), Сербского царства (до его фактического распада после смерти Стефана Душана в 1355 г.) и государства Балшичей (до 1421 г.; города Бар и Улцинь за время правления этой династии несколько раз на краткое время оказывались под властью Венецианской республики). После смерти последнего правителя из рода Балшичей, Балши III (1387–1421), юг нынешней Черногории стал частью балканских владений венецианцев [Историја 1970: 3–21, 130–131, 150]. В 1571 г. турки, к тому времени уже овладевшие албанской Шкодрой (чрнг. *Skadar* / алб. *Shkodër*), захватили венецианские порты Бар и Улцинь, и вплоть до конца XIX в. юг Черногории оставался под властью Османской Империи [Историја 1975: 58]. За это время часть славянского и албанского населения региона была исламизирована, а часть сохранила приверженность православию (черногорцы) и католицизму (албанцы). В 1878 г. черногорцы захватили Бар, а в 1880 г. в состав независимой Черногории вошел и Улцинь. После Балканских войн 1912–1913 гг. и обретения Албанией независимости по реке Бояне была проведена граница между Албанией и Черногорией, после Первой мировой войны вошедшей в королевскую Югославию (до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев, впоследствии — Королевство Югославия). В годы Второй мировой войны населенные албанцами районы на юге и на востоке Черногории, которые находились под итальянской, а затем немецкой оккупацией, были включены в состав Албании вместе с другими югославскими территориями с албанским населением. После войны граница в этом регионе вернулась к состоянию на 1913 г. и остается неизменной вплоть до настоящего времени.

С точки зрения современного административного деления Черногории описываемая территория принадлежит общинам Бар и Улцинь. Население двух общин, по данным переписи 2011 г. [Monstat 2011: Tabela O17], составляет более 60 тысяч человек и характеризуется этнической, конфессиональной и языковой неоднородностью. В восточной части региона — в области Ана-э-Малит (алб. *Ana e Malit*) на склонах хребта Тарабош, в Шестане и Крае (алб. *Shestan, Krajë*) на берегу Скадарского озера, в Улцине и окрестных селах — численно преобладают албанцы (в переписи именуются *Albanci*). Большинство исповедует ислам, однако в Шестане и в окрестностях Улциня есть и католические албанские села. В западной части, в Баре и его окрестностях, согласно переписи, преобладают православные черногорцы (*Crnogorci*) и сербы (*Srbi*), а также имеется мусульманское славяноязычное население, определяющее себя черногорцами либо «мусульманами» (*Muslimani*).

Славяноязычные мусульмане региона по преимуществу проживают в племенных областях Мрковичи (чрнг. *Mrkovići* или *Mrkojevići* / алб. *Mërkoḱ*), Туджемили и Пода (чрнг. *Tuḱemili*, *Pod*). Территория черногорского племени мрковичей лежит на плоскогорье к югу от города Бара. Бóльшая часть сел мрковичей, как показано на карте 2, находится на склонах горы Лисинь (чрнг. *Lisinj*) и у ее подножия, в так называемом Мрковском Поле (чрнг. *Mrkovsko Polje*). Это села Добра-Вода, Дабезичи (помимо центрального поселения, включает в себя широко разбросанные кварталы, или *заселки* — от чрнг. *zaselak*, Дапчевичи и Мали-Калиман), Веле-Село (с заселком Луне), Грдовичи, Печурице (с заселком Равань), Лесковац и опустевшее ныне село Меджуреч (чрнг. *Dobra Voda*, *Dabezići*, *Dapčeviči*, *Mali Kaliman*, *Velje Selo*, *Lunje*, *Grdovići*, *Pečurice*, *Ravanj*, *Ljeskovac*, *Međureč*). В стороне, на горе Румии (чрнг. *Rumija*), расположены полузаброшенные села Мали и Вели-Микуличи (чрнг. *Mali Mikulići*, *Velji Mikulići*). Еще несколько сел — Куне, Пелинковичи, Вукичи, Мала-Горана и рассматриваемое в статье село Веля-Горана (чрнг. *Kunje*, *Pelinkovići*, *Vukići*, *Mala Gorana*, *Velja Gorana*) — находятся около горного хребта Можура (чрнг. *Možura*), в южной части племенной области.

Жители Веля-Гораны, хотя и причисляют себя к сообществу (племени) мрковичей, предпочитают называть себя *goranci* ‘горанцы’ (*goranas* ‘горанец’, *goranka* ‘горанка’). Микроэтнонимами *mrko(je)vić* ‘мрко(е)вич’, *mrkovka* ‘мрковка’ они обозначают тех, кто проживает в других селах мрковичей, помимо Мала- и Веля-Гораны.

2.2. Черногорское племя мрковичей и Веля-Горана сквозь призму межэтнических контактов

Мрковичи впервые упоминаются в венецианском документе 1409 г. как *Li Marchoe*, черногорское племя, проживающее между Баром и Улцинем [Metanović 2012]. В османской переписи Скадарского санджака 1485 г. упомянута нахия *Mërkoḱlar* ‘Мркодлар’, включающая в себя крупное село (фактически это могла быть группа сел) *Mërkojeviqi* ‘Мркоевичи’ из 140 домов [Pulaha 1974: 141–143]. В переписи перечислены имена глав домохозяйств, иногда с указанием имени отца. Бóльшую часть перечня составляют славянские, преимущественно христианские, имена и прозвища: *Milosh* ‘Милош’, *Ivan* ‘Иван’, *Gjuro* ‘Джуро’, *Andrija* ‘Андрия’, *Damtjan* ‘Дамьян’, *Dabzhiv / Dabo* ‘Дабжив / Дабо’; *Ivza, i biri i Vukut* ‘Ивза, сын Вука’¹³. Однако некоторые жители села Мркоевичи носят албанские имена (*Lekëza* ‘Лекеза’, диминутив от алб. *Lek(ë)* ‘Лек(а); Александр’),

¹³ Топонимы и личные имена в этом абзаце приведены в албанской транслитерации и переводе албанского историка Селями Пуляха, опубликовавшего перепись [Pulaha 1974].

Карта 2. Мрковичи и Веля-Горана на юге Черногории

либо явным образом происходят из албанских семейств: *Dabza*, *i biri i Gjonit* ‘Дабза, сын **Гьона**’ (алб. *Gjon* ‘Гьон’ – имя, распространенное у католиков). Наличие в черногорском племени мрковичей албанского элемента позволяет предположить, что ситуация активного двустороннего билингвизма существовала по крайней мере в части племенной области до вторжения османов на запад Балкан.

Не существующее ныне село Мрковичи (*Marchoeuich*, 260 домов) упоминается и у Мариана Болицы в переписи Скадарского санджака 1614 г. [Bolizza 1614/1866: 297], наряду с селами: Микуличи (*Michulich*, 25 домов), Грдовичи (*Gradoevich*, 50 домов), Добра-Вода (*Dobra Voda*, 40 домов), Куне (*Sumgni*, 20 домов), Равань (*Racé*, 25 домов) и Горана (*Gorana*, 20 домов). Зафиксированные М. Болицей имена сельских старейшин (*Marco Nicou* ‘Марко Ников’ в Мрковичах, *Luca Matuscou* ‘Лука

Матушков' в Микуличах, *Giuro Marcou* 'Джуро Марков' в Грдовичах, *Rado Giurou* 'Радо Джуров' в Добра-Воде, *Schuchi Giurou* 'Шута (?) Джуров' в Куне, *Giuro Strepieu* 'Джуро Степев (?)' в Равани и *Dumo Luchi* 'Думо Лукин' в Горане), как и вышеприведенные данные переписи 1485 г., говорят о том, что исламизация мрковичей в конце XVI — начале XVII в. еще не началась. Поворотным моментом, вероятно, стало участие мрковичей на стороне черногорцев в неудачной попытке захватить Бар у турок в 1717 г.: опасаясь кары, значительная часть племени могла после этого перейти в ислам. В XVIII — начале XIX вв. большая часть племени мрковичей была исламизирована [Јовићевић 1922: 22; Вујовић 1969: 78]¹⁴.

В связи с исламизацией укрепились (или возникли) брачные связи одних сел с соседними мусульманскими областями Туджемили и Пода, а других — с албанцами-мусульманами близлежащих областей [Јовићевић 1922: 113; Вујовић 1969: 79]¹⁵. Помимо брачных контактов, фактором межэтнического общения долгое время оставалась торговля на рынках двух урбанных центров региона — Шкодры, куда путь лежал через албаноязычную область Ана-э-Малит, и Бара, отделенного от Ана-э-Малит территорией мрковичей. Важную роль играли также контакты на пастбищах, которые совместно использовались мрковичами и албанцами из Ана-э-Малит для выпаса скота, и иные бытовые связи [Вујовић 1969: 79].

После Берлинского конгресса 1878 г., закрепившего за Черногорией статус суверенного государства, между Баром и Улцинем пролегла государственная граница Черногории и Османской империи¹⁶. На территории племени мрковичей, которая перешла к Черногории, была образована Мрковская капетания (административная единица, во главе которой стоял *капетан*). Согласно переписи населения Черногории 1879 г., в состав капетании входили села: *Куње*, *Мала Горана*, *Кричи* (совр. Круче), *Грдовићи*, *Дабезићи*, *Улићи* (совр. Вулићи — квартал села

¹⁴ В настоящее время только в Добра-Воде есть несколько старожильческих православных семейств.

¹⁵ По крайней мере до конца XIX — начала XX в., аналогичные традиции «племенной экзогамии» были свойственны некоторым фисам Северной Албании, которые предпочитали брать невест из другой страны, а выдавали дочерей в третью, откуда невест не брали [Иванова 1988: 184], а также черногорским племенам региона Брда (чрнг. *Bërda* 'горы') к северу от Подгорицы. Например, «кучи никогда не женились между собой, а брали себѣ женѣ из другого племени; поэтому они женились часто на албанкахъ и своихъ дѣвушекъ отдавали въ Албанію» [Ровинский 1897: 239].

¹⁶ «...Отсюда [от Скадарского озера. — М. М., А. Р.] новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топаль и отъ Горица-Топаль достигаетъ по прямому направлению вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредь и Калимедь, оставляя Марковичъ за Черногорією и примыкая къ Адриатическому морю въ В. Кручи» [Трактатъ 1906: 87].

Дапчевићи), *Добчевићи* (совр. Дапчевићи), *Калимани* (совр. Мали-Калиман), *Љесковац*, *Велье Село*, *Равањ*, *Печурице*, *Добра Вода*, *Вели* и *Мали Микулићи* [Пејовић, Каписода 2009: 413–450]. Веля-Горана, по-видимому, была присоединена к Мрковской капетании после передачи Улциня Черногории в 1880 г. [Metanović 2012]. Албаноязычная область Ана-э-Малит, отделенная от мрковичей рекой Меджуреч, оставалась в пределах Османской империи до 1913 г. [Јовићевић 1922: 2], а с ней, вероятно, и села мрковичей Меджуреч, Пелинковичи и Вукичи, не упомянутые в переписи 1879 г. После окончания Первой мировой войны территория мрковичей вместе со всей Черногорией вошла в состав королевской Югославии. В годы итальянской и последующей немецкой оккупации (1941–1944) вся область Мрковичи, кроме села Добра-Вода, входила в состав Албании вместе с соседними албаноязычными районами [Соболев 2015: 540, сноска 8]. В 1948 г., вскоре после установления коммунистического режима и восстановления черногорско-албанской границы образца 1913 г., социалистическая Албания взяла курс на политическую изоляцию от Югославии, что на несколько десятилетий прервало связи мрковичей с близлежащими территориями Албании (Шкодра и ее окрестности), но не могло препятствовать, разумеется, их контактам с албаноязычным населением Черногории.

Исторические события конца XIX — начала XX века и изменения в государственных границах не привели к существенному изменению ситуации этноязыкового контакта в Мрковичах, по крайней мере в части брачных стратегий. Так, в селах, расположенных на границе с албаноязычной областью Ана-э-Малит, на протяжении XX века (и прежде), устойчиво сохранялась традиция смешанных браков и связанная с ней ситуация активного билингвизма. Андрия Йовичевич в описании Черногорского Приморья и Краины сообщает, что «Пелинковичи, Вукичи и Клезна, а также в некоторой степени и Горана, приняли албанский язык, поскольку их жители ранее (но и в настоящее время) брали себе жен из района Ана-э-Малит. Через брачные связи здесь вошел в быт албанский говор» [Јовићевић 1922: 113, перевод цит. по Соболев 2015: 541]. Л. Вуйович через несколько десятилетий отмечает, что «албанским языком хорошо владеют многие жители пограничных сел — Меджуреча, Лесковца, Шкреты (Вукичей) и нижней части Веля-Гораны» [Вујовић 1969: 82–83].

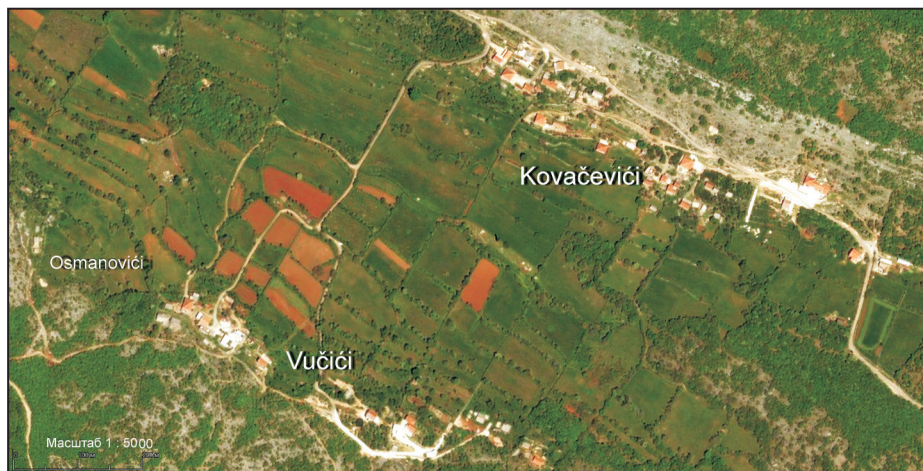
В настоящее время албанскую речь можно услышать в селе Лесковац, где есть смешанные семьи, а также в Пелинковичах (см. карту 2). В селах Мала-Горана, Луне и Дабезичи можно встретить албанок и двуязычных славянок (например, из смешанного славяно-албанского села Круте в окрестностях Улциня), но в повседневном общении албанский

язык в этих селах не используется и остальные члены сообщества им не владеют. Села, в которых брачные связи поддерживаются только между проживающими в них семьями и с соседними славяноязычными районами (например, Добра-Вода), монолингвальны, и их население, по утверждению местных жителей, никогда не говорило по-албански [Морозова 2017а: 225]. Наблюдениям А. Йовичевича, сделанным в начале прошлого века, полностью отвечает современная ситуация в селе Веля-Горана, описанию которой посвящен следующий раздел.

3. Билингвальное сообщество Веля-Гораны: в поисках «сбалансированного языкового контакта»

Село Веля-Горана (см. карту 3) состоит из примерно двадцати домов и разделено на два небольших заселка, Ковачевичи и Вучичи (чрнг. *Kovačevići*, *Vučići*). К заселку Вучичей примыкает отдельно стоящий дом Османовичей, этнических албанцев из села Владимир / Катркола (чрнг. *Vladimir* / алб. *Katërkollë*) в области Ана-э-Малит. Особенности билингвальной коммуникации в этой семье далее подробно не рассматриваются. В Вучичах билингвизм, характерный для них еще в середине прошлого века, по-видимому, угас, и албанский язык в настоящее время не используется этой частью сообщества Веля-Гораны. С точки зрения современной ситуации наибольший интерес представляет заселок Ковачевичей, где все семьи частично или полностью билингвальны. Именно эта ситуация детально изучалась в ходе экспедиций 2013–2015 гг.

Карта 3. Кварталы села Веля-Горана

Индивидуальный языковой репертуар жителя Веля-Гораны, происходящего из полностью или частично билингвальной семьи, может включать один или два языка. Компетенция и языковое поведение говорящего зависит от возраста, образования, происхождения, личных предпочтений, которые обуславливают, к примеру, неусвоение второго языка или неиспользование билингвом одного из своих языков, а также особенностей коммуникативной ситуации и «правил поведения» в обществе. В нашем описании того, как билингвальные говорящие в Веля-Горане используют два своих языка в разных коммуникативных ситуациях, мы используем ставшее традиционным, прежде всего в социолингвистике, понятие домейна (англ. *domain*), или сферы употребления языка [Fishman 1965; Вахтин, Головки 2004: 101–102 и др.]. При этом наиболее подробно анализируется семейный домейн. Следует указать, что нашей основной задачей является не описание механизмов выбора языка в той или иной ситуации общения, а, скорее, демонстрация того, как констелляция определенных факторов, часто действующих на уровне индивидуального говорящего, приводит к тем или иным результатам в плане возникновения, поддержания или угасания билингвизма в семьях жителей заселки Ковачевичей.

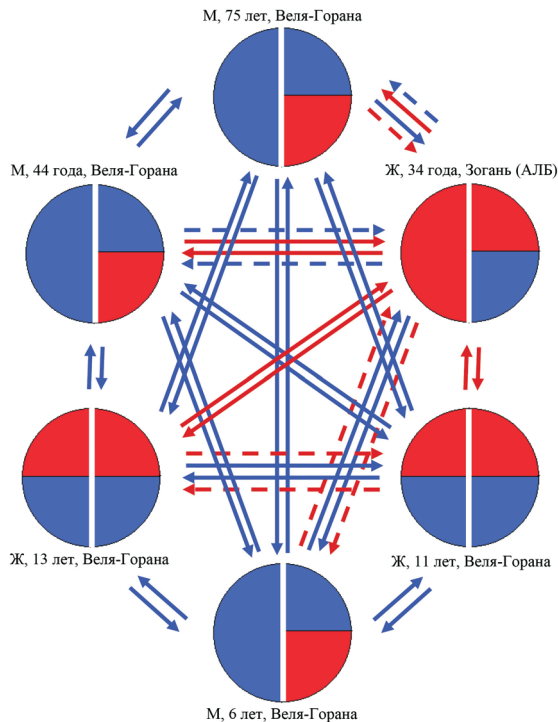
3.1. Выбор языка при общении в семейном кругу

Мы попытались представить употребление языков в семейном домейне в виде схем, поневоле условных, но, как нам кажется, достаточно адекватно отражающих реальную ситуацию. На схемах представлены использование языков в повседневном общении четырех семей в заселке Ковачевичей и языковая компетенция носителей, реконструированная на основе наблюдений над использованием языков и данных интервью. Кружки, обозначающие носителей языка, разделены по вертикали на две части. Левая отражает «исходную» языковую компетенцию говорящего (примерно до пятилетнего возраста), правая — компетенцию «в настоящее время» (в 2015 г.). Синий цвет обозначает черногорский, красный — албанский. Вертикальная половина кружка, окрашенная в один цвет, представляет условно монолингвальную компетенцию¹⁷, в два цвета — билингвальную. В отражении билингвальной компетенции информантов мы исходили из того, что они владеют обоими языками достаточно свободно, не пытаюсь показать графически, находятся ли они в равновесном состоянии или в отношениях доминации (некоторые соображения по поводу смены языковой доминации будут представлены в параграфе 3.2). Синие и красные стрелки показывают использование

¹⁷ Возможно, в некоторых случаях «монолингвы», представленные на схеме, являются в действительности пассивными билингвами, см. параграф 3.2.

этих языков в общении внутри семьи. Пунктирными стрелками обозначена свободная, но менее частая коммуникация на одном из двух языков. Расположение кружков на схеме по вертикальной оси отражает принадлежность носителей к разным поколениям: старшие члены семьи показаны в верхней части схемы, младшие — в нижней части.

Схема 1

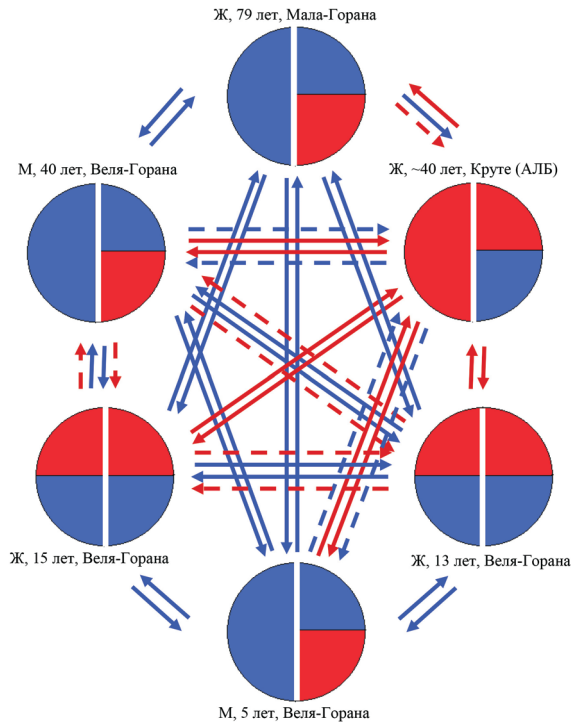

На схеме 1 показана семья, все члены которой являются уроженцами Веля-Гораны, за исключением женщины средних лет, албанки из села в окрестностях Улциня. Представители всех трех поколений — билингвы, однако только две девочки, рожденные в Веля-Горане, билингвальные с раннего детства. Младший ребенок, мальчик шести лет, по экспедиционным наблюдениям 2013–2015 гг., говорил только по-черногорски примерно до пятилетнего возраста. Глава семьи (верхний кружок) и его сын в раннем детстве владели только черногорским, но в настоящее время являются билингвами [ПМА: Морозова et al. 2014]. «Зеркальное» языковое развитие демонстрирует невестка из Улциня, которая в детстве говорила только по-албански, а черногорский, по ее собственному

утверждению, стала использовать только в общении с новой семьей в Веля-Горане наряду с албанским [ПМА: Морозова 2015a].

Как видно, в общении внутри семьи используются оба языка, причем в целом преобладает черногорский. Мужчины («горанцы») предпочитают говорить со своими детьми и внуками на черногорском, и те, как правило, отвечают им на том же языке. Тем не менее албанский является основным средством коммуникации для албанки, и все члены семьи в той или иной степени участвуют в общении на нем. Муж и дочери говорят с ней преимущественно по-албански. Свекор обращается к ней на черногорском, но иногда, не особенно афишируя это, может использовать албанский [Морозова 2017б: 140]. С младшим ребенком общаются преимущественно на черногорском, особенно если коммуникация происходит в присутствии старшего мужчины в семье.

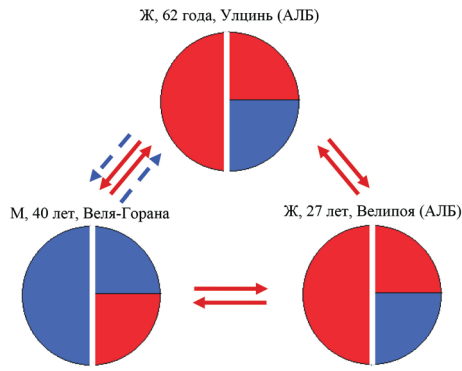
Схема 2

В семействе, представленном на схеме 2, старшее поколение представляет бабушка, «мрковка» из монолингвальной Мала-Гораны, освоившая албанский язык уже после замужества. Со всеми членами семьи — сыном,

невесткой, двумя внуками-подростками и маленьким внуком — она говорит преимущественно на черногорском. По-албански ей отвечает только невестка, албанка из Ана-э-Малит, которая выучила черногорский в Веля-Горане, но практически не использует его в коммуникации внутри семьи [ПМА: Морозова 2015a]. Ее супруг-«горанец», как правило, беседует с ней на албанском, с матерью — на черногорском; с дочерьми может общаться и по-албански, но с сыном при этом предпочитает говорить только на черногорском.

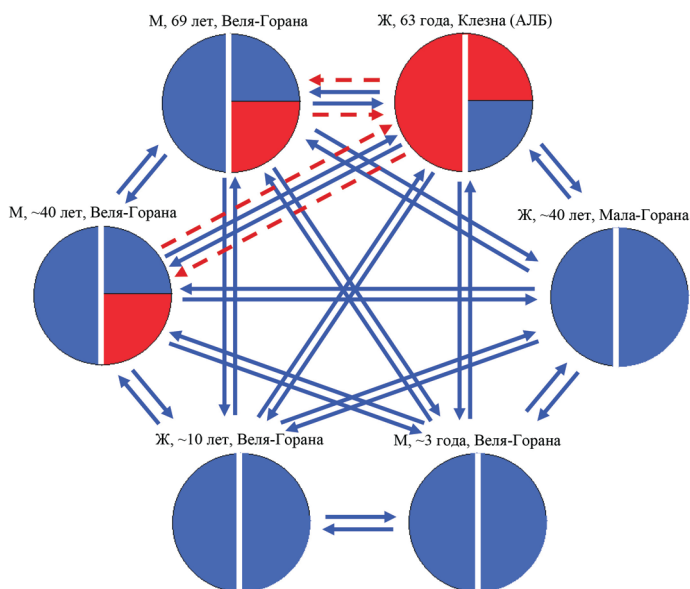
Схема 3

На схеме 3 показана семья, состоящая из двух первоначально монолингвальных албанок и «горанца» — сына первой из них и мужа второй. Как и следует ожидать, женщины общаются друг с другом на албанском. Мужчина использует преимущественно албанский язык в общении с матерью, а с женой говорит только по-албански. В целом албанский играет здесь заметно бóльшую роль, чем в первых двух семьях. Существенным фактором, по-видимому, является то, что молодая албанка происходит из албанского села в окрестностях Шкодры (Албания), где она не имела доступа к черногорскому вплоть до замужества. Несмотря на то, что ее нынешняя компетенция в черногорском оценивается односельчанами как достаточно высокая, все билингвальные члены сообщества предпочитают в общении с ней использовать албанский язык.

Наконец, схема 4 демонстрирует нам наиболее «славянизированную» семью. Представители старшего поколения, изначально монолингвальные «горанец» и албанка, говорят между собой только на черногорском несмотря на то, что «горанец», как и большинство мужчин в селе, владеет албанским языком, усвоенным в детстве от отца и бабки. По-видимому, толчком к «славянизации» семьи явился брак их сына с монолингвальной «мрковкой» из Мала-Гораны. Поскольку молодая невестка не

Схема 4

говорит по-албански («не говорит, только понимает» [ПМА: Морозова и др. 2014]), черногорский стал основным средством коммуникации с детьми, которые остаются монолингвальными, и в семье в целом¹⁸. Отметим, что «исходная» ситуация в этой семье, в частности языковая компетенция представителей старшего поколения, в сущности, не отличается от ситуации в семье на схеме 1. К числу факторов, повлиявших на современное устройство внутрисемейной коммуникации, можно отнести происхождение невестки и ее нежелание говорить по-албански, а также языковое поведение старшей женщины-албанки, которой, по ее словам, после многих лет, проведенных в Веля-Горане, «легче» говорить на черногорском, чем на албанском языке [ПМА: Морозова 2015a].

Межсемейное общение в Веля-Горане повторяет в общих чертах ситуацию внутри семей. Использование того или иного языка определяется своего рода компромиссом между языковыми предпочтениями говорящего и слушающего. Так, например, к молодым албанкам все билингвальные участники коммуникации, включая детей, обращаются в основном по-албански (см. также [Морозова 2017b: 141]).

¹⁸ Это не означает, что билингвальные члены семьи не могут использовать албанский язык в других ситуациях: мужчины – в общении с другими мужчинами-билингвами, женщина – в общении с семьей и соседями в родном селе, см. 3.2.

3.2. Социолингвистические профили жителей Веля-Гораны: семья и другие домейны. Становление билингвизма

Из анализа общения жителей Веля-Гораны в семейном домейне можно сделать предварительные выводы о наличии в этом сообществе нескольких групп говорящих с неодинаковым речевым поведением, определяющими факторами которого, как представляется, являются возраст, пол и происхождение¹⁹. В этом параграфе мы попытаемся построить социолингвистические профили (англ. *sociolinguistic profiles*, см., напр., [Adamou 2016]) этих групп, характеризуя их с точки зрения формирования, развития и современного состояния их языковой компетенции (см. табл. 1). Для этого будут привлечены имеющиеся у нас данные о речевом поведении представителей разных групп в таких домейнах, как школа, работа (ср. с домейнами «образование» и «работа» у Дж. Фишмана) и общение с родственниками жены/невестки/матери, живущими вне села²⁰.

Мужчины среднего и старшего возраста, родившиеся и живущие в Веля-Горане («горанцы»), одинаково хорошо владеют черногорским и албанским. Оба языка, как правило, усваиваются в детстве (есть редкие случаи более позднего усвоения албанского в подростковом возрасте, см. ниже) и активно используются в общении с соседями и с членами семьи. При общении с родственниками жены/невестки, живущими в других селах, «горанцы» используют один из доступных им языков. Коммуникация с монолингвальными родственниками из мрковичей, очевидным образом, осуществляется на черногорском, а в общении с родственниками-албанцами предпочтение отдается албанскому языку.

Большинство «горанцев» получили начальное или среднее школьное образование на сербохорватском (официальный язык СР Черногории) и прошли срочную службу в югославской армии, где сербохорватский был основным средством межэтнического общения. Некоторые мужчины старшего поколения в послевоенные десятилетия участвовали в строительстве дорог и мостов, сооружении водопровода и других видах работ за пределами родного села, и коммуникация с выходцами

¹⁹ Важным фактором является, разумеется, и индивидуальное отношение к языку (см. в 3.1 о «мрковке», не желающей говорить по-албански), но мы не включаем его сюда по причине его трудной формализуемости.

²⁰ Детальный опрос о выборе языка в домейне «религия», выделенном Дж. Фишманом [Fishman 1965], не проводился, однако известно, что служба в близлежащей мечети, расположенной в монолингвальном селе Мала-Горана, ведется только по-черногорски, посещают мечеть преимущественно пожилые мужчины. На вопрос о том, какой язык используется говорящим во время молитвы, можно получить ответ «молюсь молча» [ПМА: Морозова, Соболев 2015]. Домейну «друзья» у Дж. Фишмана в нашем исследовании соответствует межсемейное общение, охарактеризованное в 3.1 и не обнаруживающее существенных отличий от коммуникации внутри семьи с точки зрения стратегий выбора языка.

из других регионов Черногории и соседних югославских республик в таких ситуациях осуществлялась также на официальном языке. В настоящее время представители старшего поколения не работают и практически не выезжают из Веля-Гораны. Основной доход семье обеспечивают мужчины среднего возраста, работающие вне села. Центром экономического притяжения для Веля-Гораны является город Улцинь, и некоторые «горанцы» работают там таксистами, сдают в аренду пляжные зонтики и шезлонги в туристический сезон и др. Поскольку подавляющее большинство жителей Улциня и окрестных сел — албанцы, коллектив на работе, как правило, оказывается преимущественно албаноязычным. Поэтому в беседах с коллегами предпочтение отдается албанскому языку, а выбор черногорского происходит редко, например в общении с туристами из бывших югославских республик и из России.

Женскую часть сообщества Веля-Гораны, которая отличается большим разнообразием социолингвистических профилей, составляют «*мрковки*» из монолингвальных сел области Мрковичи и *албанки* из соседних албаноязычных сел или из Албании, вышедшие замуж в Веля-Горану. Использование двух языков женщинами в большей степени, чем у мужчин, определяется внутренними «законами» женского сообщества, а не внешними факторами, поскольку традиционно женщины менее мобильны [Hristov 2015: 36], а их внешние связи ограничены контактами с родным селом.

Большинство женщин среднего и старшего возраста, живущих в Веля-Горане, имеют начальное или среднее школьное образование, полученное на сербохорватском языке (только женщины, которые происходят из Албании, обучались в албаноязычной школе). При этом практически все албанки утверждают, что усвоили черногорский в достаточной мере лишь в семье супруга в Веля-Горане, в то время как языком повседневного общения в их родных селах и в родительском доме всегда был только албанский язык [ПМА: Морозова 2015а; 2015б; 2015в]. Во время родственных визитов албанки говорят с членами своих семей на родном языке. В случае если они не пользуются албанским в семье супруга, общение с албаноязычной родней вне Веля-Гораны — единственная значимая сфера, закрепленная за албанским языком.

Женщины, которые происходят из монолингвальных сел области Мрковичи и, соответственно, общаются с родными и соседями в родном селе исключительно по-черногорски, могут владеть албанским языком, усвоенным после замужества²¹. В общении с семьей супруга, детьми,

²¹ Общение жителей Веля-Гораны с семьями родных братьев и сестер, которые, как правило, разъезжаются из родных сел, может происходить по иным сценариям, не описанным здесь и не отраженным в табл. 1. К примеру, сестра билингвальной

внуками и соседями они предпочитают использовать черногорский, хотя при необходимости свободно изъясняются и на албанском. Некоторые «мрковки», прожившие несколько десятилетий в Веля-Горане, по их собственным словам и по оценкам соседок, «понимают, но не говорят по-албански» (то есть являются пассивными билингвами) или «не хотят говорить по-албански» [ПМА: Морозова 2015a]. Степень «понимания» албанской речи такими информантками специально не изучалась. Однако было отмечено, что албанки могут использовать родной язык в присутствии «мрковки», которая, как считается в сообществе, «не говорит, но понимает по-албански». Последняя не выказывает при этом ни малейшего недовольства, а на любые обращенные к ней реплики отвечает по-черногорски [Ibid.]. В общении с молодыми женщинами из монолингвальных сел мрковичей, которые не владеют албанским языком после нескольких лет проживания в Веля-Горане, нормой для членов семьи и соседей-билингвов является использование черногорского.

Некоторые женщины из Веля-Гораны работают в Улцине (например на кухне в ресторане) либо ездят туда в базарный день на рынок, чтобы продавать местным жителям и туристам домашние молочные продукты. Основным языком общения с покупателями, клиентами и коллегами для албанок, очевидным образом, является албанский (а при общении с неалбаноязычными клиентами — черногорский), в то время как «мрковки» во всех случаях пользуются черногорским.

Дети, рожденные в полностью билингвальных семьях Веля-Гораны, как правило, начинают усваивать оба языка в раннем детстве. Уровень владения албанским языком на этом этапе может несколько различаться у мальчиков и девочек. Некоторые молодые матери-албанки поясняют, что «не заставляют» своих маленьких сыновей говорить по-албански, пока те сами «не хотят» [ПМА: Морозова 2015a]. Поэтому первые фразы на албанском языке мальчики начинают произносить, по-видимому, с 5–6 лет (что не исключает вероятности пассивного билингвизма в более раннем возрасте). Девочки, напротив, рано начинают говорить по-албански и быстрее совершенствуют свою компетенцию в нем, поскольку много общаются с матерью. С родственниками матери и/или бабки дети говорят только на албанском языке, так как те могут вовсе не владеть черногорским [Ibid.]. В тех семьях, где мать и/или бабка происходит из монолингвального села

«мрковки», живущей в Веля-Горане, может выйти замуж в албанское село, и высока вероятность того, что языком общения «мрковки» с семьей сестры в этом случае будет албанский язык. У одного из билингвальных «горанцев» брат женился и живет в албанском селе, и вероятно, что с братом «горанец» говорит по-черногорски, а с его новой семьей — по-албански.

области Мрковичи и не знает албанского либо не использует его в повседневной коммуникации («понимает, но не говорит»), дети с раннего возраста владеют только черногорским и могут в дальнейшем оставаться монолингвами.

Школьное образование дети получают на государственном черногорском языке. Все дети Веля-Гораны до пятого класса ходят в начальную школу, которая находится в Куне, а потом — в среднюю школу в Печурицах. Остальные дети, которые посещают школу, монолингвальные, и албанский язык в ней не преподается. Учителя, работающие в школе, также происходят в основном из окрестных сел (например, Добра-Воды или Мала-Гораны) или из Бара и не говорят по-албански²².

В табл. 1 отражены, с определенной степенью обобщения, социолингвистические профили, описанные выше. Учитываются пол, возраст («старший» — старше 50 лет, «средний» — 25–49 лет, «старшие мальчики/девочки» — дети 6–16 лет, «младшие мальчики/девочки» — дети до 5 лет), происхождение («горанец», «мрковка», албанка; для детей указывается происхождение матери) и владение языками (алб. — албанский, чрнг. — черногорский). Если билингвальный говорящий использует в домейне оба языка, они даются через запятую, причем порядок их перечисления отражает относительную частоту использования. В квадратных скобках указывается язык, который используется в каком-либо домейне редко (например, на работе X говорит по-албански и очень редко по-черногорски) или пассивно (например, X не говорит по-албански, но «все понимает», когда присутствует при разговоре на этом языке). Курсивом выделен язык в домейнах, нерелевантных для современной ситуации (например, образование у представителей среднего и старшего поколения) или для большей части представителей той или иной группы (например, домейн «работа» нерелевантен для большинства женщин села; работают лишь немногие женщины среднего и — крайне редко — пожилого возраста). Внутри некоторых профилей есть подтипы, которые разделяются в табл. союзом *или* (в частности, «мрковки» могут говорить на обоих языках либо только на черногорском). Буквами (а, б) обозначен выбор языка, которые возможен в разных ситуациях в рамках одного домейна. Например, мужчины-«горанцы» и дети из Веля-Гораны используют в беседе с родственниками своей жены/невестки и матери (а) албанский язык, если она албанка, либо (б) черногорский — если она «мрковка».

²² Албанский язык используется в качестве языка обучения, а черногорский преподается как предмет в школах в Улцине и в албанских селах региона, но никто из детей Веля-Гораны в такую школу не ходит.

Табл. 1. Социолингвистические профили жителей села Веля-Горана²³

№	Возраст	происхождение	язык	Выбор языка в разных домейнах			
				внутри села	вне села	родственники вне села	образование
1	мужчина старшего возраста	«горанец»	чрнг., алб.	чрнг., алб.	(а) алб. (б) чрнг.	срб.-хрв.	чрнг.
2	мужчина среднего возраста	«горанец»	чрнг., алб.	чрнг., алб.	(а) алб. (б) чрнг.	срб.-хрв.	алб., [чрнг.]
3	женщина старшего возраста	албанка	алб., чрнг.	чрнг., алб.	алб.	срб.-хрв.	алб., [чрнг.]
		«мрковка»	чрнг., алб.	чрнг., [алб.]	чрнг.	срб.-хрв.	чрнг., [алб.]
4	женщина среднего возраста	албанка	алб., чрнг.	алб., чрнг.	алб.	срб.-хрв.	алб., [чрнг.]
		«мрковка»	чрнг., алб. или чрнг.	чрнг., [алб.] или чрнг.	чрнг.	срб.-хрв.	чрнг., [алб.] или чрнг.
5	старшие мальчики/девочки	мать албанка	чрнг., алб.	чрнг., алб.	алб.	чрнг.	∅
		мать «мрковка»	чрнг., алб. или чрнг.	чрнг., алб. или чрнг.	чрнг.	чрнг.	∅
6	младшие мальчики/девочки	мать албанка	чрнг.	чрнг.	?	∅	∅
		мать албанка	чрнг., алб.	чрнг., алб.	алб.	∅	∅
		мать «мрковка»	чрнг.	чрнг.	чрнг.	∅	∅

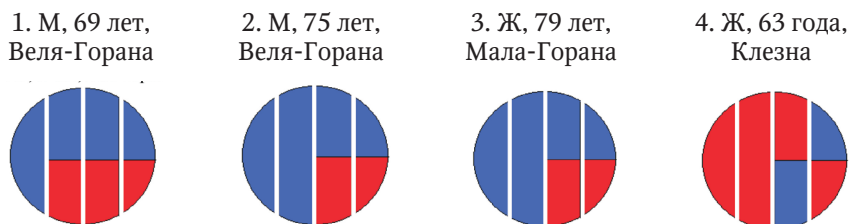
²³ Здесь мы опираемся, прежде всего, на сведения о членах семей, рассмотренных в 3.1. Некоторых комбинаций нет в этих четырех семьях, и в таких случаях мы используем материалы наблюдений, сделанных в других семьях Веля-Гораны.

²⁴ Индивидуальные различия в употреблении языков внутри семьи в зависимости от собеседника, описанные в 3.1, не учитываются.

Помимо неодинакового использования языков в разных домейнах, обращают на себя внимание отраженные в табл. особенности речевого поведения пожилых албанок, которые используют черногорский чаще, чем албанский, в общении внутри сообщества Веля-Гораны.

На схеме 5 представлен более подробный анализ типов развития билингвальной языковой компетенции и смены языковой доминанции у индивидуального говорящего на протяжении жизни. Кружки отражают четыре «периода» жизненного цикла (слева направо): раннее детство (до 5 лет); детство и подростковый возраст (для мужчин) / весь период до замужества (для женщин); средний возраст (для мужчин) / период после замужества (для женщин); старший возраст. Тот из двух языков билингва, который используется чаще (и, тем самым, «доминирует»), показывается в верхней части кружка, а субдоминантный язык (используется реже, «забывается») — в нижней. Таким способом показаны основные сценарии развития билингвальной языковой компетенции у жителей Веля-Гораны: кружки 1 и 2 отображают языковую компетенцию пожилых «горанцев» (см. также схемы 1 и 4 в предыдущем параграфе), кружок 3 — пожилой «мрковки» из Мала-Гораны (см. схему 2), кружок 4 — пожилой албанки из Ана-э-Малит (см. схему 4). На схеме не показаны ситуации, в которых женщины остаются монолингвальными на протяжении всей жизни (эта ситуация является очень редкой для албанок и довольно редкой для «мрковок»).

Схема 5

Видно, что прежде монолингвальные женщины (3, 4) становятся билингвами в Веля-Горане после замужества. Усвоение албанского языка монолингвальными «мрковками» (3) происходит преимущественно внутри женского сообщества, в общении со свекровью и соседками-албанками (не исключено, впрочем, что супруг и свекор женщины тоже могут иногда общаться с ней по-албански). Пожилые «мрковки» в дальнейшем предпочитают черногорский албанскому языку и используют его даже в коммуникации со своими невестками, которые со всеми говорят по-албански (схема 2 в параграфе 3.1).

Албанки (4), как правило, выучивают в Веля-Горане черногорский, которым владеет бóльшая часть сельского сообщества: «...когда я пришла сюда, знала только «Добрый день!», «Как дела?»... потом научилась» [ПМА: Морозова 2015а]. Молодые албанки предпочитают говорить в семье по-албански, мотивируя это тем, что говорят по-черногорски «ни хорошо, ни плохо» [Ibid.]. Пожилым албанкам, прожившим много лет в Веля-Горане, по их словам, проще говорить по-черногорски, чем изъясняться на албанском языке, который они здесь начинают «забывать» [Ibid.].

Что касается «горанцев», то, как было сказано выше, в раннем детстве они монолингвальны, а к 6–7 годам начинают усваивать до определенной степени второй семейный язык — албанский (кружок 1). Кружок 2 показывает несколько иное развитие билингвальной компетенции, которое характеризует, в частности, пожилого «горанца» со схемы 1. Его мать говорила только по-черногорски, и албанский язык он выучил только в подростковом возрасте, когда пас скот в окрестностях Веля-Гораны вместе с мальчиками из соседних албанских сел [ПМА: Морозова 2015в].

Таким образом, этническая принадлежность и языковая компетенция женщины — матери, жены и невестки, по-видимому, играет ключевую роль как в усвоении албанского языка младшим поколением, так и в распределении двух языков в общении внутри семей Веля-Гораны. В семьях, где есть албанки, дети рано начинают усваивать албанский язык, а в коммуникации ему отводится достаточно важное место. Семьи, в которых молодая женщина (невестка/жена/мать детей) не говорит по-албански, демонстрируют тенденцию к монолингвизму, вне зависимости от исходной компетенции ее мужа и представителей старшего поколения.

Как показывает пример «горанца», обозначенного кружком 2 на схеме 5, на развитие (билингвальной) языковой компетенции может влиять не только коммуникация внутри сообщества, но и контакты с жителями соседних сел. На развитие языковой компетенции отдельных говорящих, например на смену языковой доминации у пожилых албанок, могут влиять и другие факторы, которые зачастую бывает трудно определить. Прямым следствием неодинаковых компетенций индивидуальных говорящих становится разное устройство коммуникации в их семьях и разные результаты в плане поддержания или угасания билингвизма в этих семьях.

Что касается билингвальной языковой ситуации в Веля-Горане в целом, несмотря на неравновесное соотношение двух языков на уровне индивидуальных говорящих и отдельных семейств, она остается достаточно

стабильной и сохраняется в течение длительного времени благодаря тому вкладу, который вносят в нее все основные группы жителей, различающиеся своим речевым поведением. Билингвальные с рождения девочки обычно покидают село, выходя замуж, и, следовательно, их влияние на динамику языковой ситуации достаточно ограничено. В селе, как правило, остаются рожденные в нем мужчины, билингвальные «горанцы», для которых вполне естественным является употребление обоих своих языков внутри сообщества. Кроме этого, принадлежность Веля-Гораны к славяноязычному сообществу мрковичей в какой-то степени обуславливает активное использование «горанцами» черногорского и поддерживает стремление передавать его следующим поколениям, а тяготение Веля-Гораны в экономическом плане к Улциню с преимущественно албаноязычным населением расширяет для них сферу употребления албанского языка. В то же время постоянный приток нативных носителей албанского языка (албанок из окрестных сел) обеспечивает усвоение и использование албанского значительной частью сообщества.

4. Билингвальные сценарии и межэтнические контакты в Веля-Горане: попытка реконструкции

4.1. История заселения Веля-Гораны: краткий обзор

История Веля-Гораны не зафиксирована в деталях А. Йовичевичем [Јовићевић 1922], Л. Вуйовичем [1969] и другими этнографами, и мы реконструируем ее на основании семейных преданий и информации о брачных связях горанских семейств, собранной в ходе экспедиций 2014–2015 гг. В настоящее время в селе, как было указано выше, проживают роды Ковачевичей (*Kovačevići*) и Вучичей (*Vučići*), а также семья Османовичей (*Osmanovići*).

Предок Османовичей переселился в Веля-Горану в 1950-е гг., женившись на двуязычной «горанке» из Вучичей [ПМА: Морозова 2015a]. Род Вучичей, вероятно, появился в Веля-Горане в начале XX в. или несколько ранее. Косвенным подтверждением этого являются сведения о первых брачных контактах Вучичей и Ковачевичей, которые начались около 100 лет назад (см. фамильные деревья ниже). О Вучичах сообщается, что на момент прихода в Веля-Горану они были католиками и что некоторые мужчины из Вучичей женились на женщинах католического вероисповедания [ПМА: Морозова et al. 2014]. Весьма вероятно, что этот род имеет албанское происхождение, ср., напр., известный фрагмент из «Отряда пророков» П. Богдани (1685), где он упоминает, что славяне называют римско-католическую веру *Arbanashka vera* 'албанская вера' (цитируется в современной транслитерации по [Bogdani 2005:

XVIII]). Нужно учесть и тот факт, что в близлежащих селах Салч, Круче, Круте, Коломза и Братица на склонах Можуры значительную часть населения составляли албанцы-католики, которые начали переселяться на эти земли из Шестана «около 200 лет назад» [Јовићевић 1922: 85–87].

Карта 4. Заселение Веля-Гораны

Семейство Ковачевичей в действительности состоит из двух родов, не связанных происхождением. По словам информантов, один из них происходит от некого Данила Ковачевича (*Danilo Kovačević*), выходца из окрестностей Грахова (город в общине Никшич на западе Черногории, близ границы с современной Боснией и Герцеговиной). Предок Ковачевичей, как считается, бежал из родного села, спасаясь от кровной мести, пришел в Мрковичи и здесь, в мусульманском сообществе, принял ислам; мусульманами были и все его потомки [ПМА: Морозова et al. 2014].

Второй род в нынешнем семействе Ковачевичей ранее назывался Тахировичами (чрнг. *Tahirovići* / алб. *Tahiri*), т. е. потомками Тахира. Его основатели пришли в Веля-Горану из албанского села Миде (чрнг. *Mide* / алб. *Millë*) в области Ана-э-Малит. В настоящее время некоторые их потомки продолжают подчеркивать албанское происхождение: «наш *фис* – албанцы» [ПМА: Морозова 2015a]. Мы записали несколько версий истории изменения патронима Тахировичей. Сами потомки Тахира утверждают, что они были вынуждены изменить имя под давлением

османской администрации, которая управляла территориями к югу от Бара вплоть до 1878 г. По второй версии, Тахировичей сделал Ковачевичами король Никола Петрович-Негош (1860–1918) [ПМА: Морозова 2015б: 5]. Согласно третьей версии, рассказанной информантом из «настоящих» Ковачевичей, смена патронима произошла «в 1905 году», когда в регион «пришли австрийцы» [ПМА: Морозова 2015в]²⁵.

Две генеалогии из Веля-Гораны (см. схемы 6 и 7 ниже) позволяют предположить, что предок Ковачевичей мог прийти на это место в середине XIX в. после битвы при Граховаце, которая произошла 1(13) мая 1858 г. и закончилась победой черногорской армии над турецкими войсками и переходом Грахова к Черногории. Предки Тахировичей появились несколько позже: один из информантов (1925 г. р.) сообщил исследователям, что первым поселенцем из Тахировичей был его дед (предположительно, 1870–1875 г. р.), который, таким образом, должен был переселиться в Веля-Горану на рубеже XIX и XX столетий [ПМА: Морозова, Соболев 2015].

4.2. Брачные стратегии Веля-Гораны: лингвистическая экзогамия?

В этом параграфе мы рассматриваем генеалогию двух родов, образовавших современное семейство Ковачевичей в Веля-Горане. Генеалогические деревья Тахировичей и Ковачевичей, составленные при помощи программы GenoPro 2016, показаны на схемах 6 и 7 соответственно²⁶. Мужчины обозначаются квадратиками, женщины — кружками. Перечеркнутые квадратики и кружки (X) соответствуют уже умершим представителям рода, имена которых указаны под соответствующими символами. Имена их живущих потомков скрыты из этических соображений. Если имя члена семейства (умершего или живущего) осталось неизвестным исследователям, это обозначается знаком вопроса. Имена на схеме 6, напр. *Braim* (на схеме 7 — *Ibrahim* 'Ибрагим'), записаны в соответствии с наброском генеалогического древа, который по просьбе М. С. Морозовой сделал один из информантов [ПМА: Морозова 2015в].

²⁵ Согласно Берлинскому трактату, подписанному 1 (13) июля 1878 г., Австро-Венгрия получила право управлять Боснией, большей частью Герцеговины и Новопазарским Санджаком, а также осуществлять контроль над черногорским побережьем, включая мыс Спич (чрнг. *Spic*) рядом с Баром [Roberts 2007: 251–252, 254]. Тем не менее, мы не можем быть уверены в том, что австрийская администрация действительно могла заниматься сменой фамилий в Черногории в начале XX века. Административная деятельность австрийцев в этом регионе могла быть наиболее интенсивной в период оккупации Черногории в 1916–1918 г. [Ibid.: 313, 320]. В представлениях информанта, который сам не являлся очевидцем этих событий, они могли «сместиться» на несколько лет в прошлое.

²⁶ На графических изображениях генеалогических деревьев обводкой выделены семьи, описанные в разделе 3 (на схеме 6 показаны семьи, изображенные на схемах 2 и 4, а на схеме 7 — семья со схемы 1).

Для невесток из других сел и мужчин, рожденных не в Веля-Горане, в скобках под соответствующим символом, после имени (если есть), указано место рождения. Неизвестное место рождения обозначается знаком вопроса. Для членов семейств, рожденных в Веля-Горане, место рождения не указывается по умолчанию.

Линиями внутри генеалогического древа показаны брачные связи и родственные линии, т. е. связи между родственниками, произошедшими друг от друга, например, родителями и их ребенком/детьми. Знаком вопроса обозначается отсутствие информации о количестве детей той или иной пары. Древо отражает родство по мужской линии, поэтому только брачные связи потомков мужского пола показаны детально.

Везде, где это было возможно, мы пытались приписать членам семейств определенные этнические и, в какой-то степени, лингвистические характеристики. Синим цветом обозначены в прошлом монолингвальные славяне, происходящие из других мест, а также дети, рожденные в семьях Веля-Гораны и говорящие только по-черногорски. Красный цвет маркирует мужчин и женщин из албанских сел региона, которые (о)владели албанским в качестве первого, а иногда и единственного, языка до своего переселения в Веля-Горану. Фиолетовым цветом показаны билингвы, рожденные в Веля-Горане. Черным цветом обозначаются те члены обоих семейств, чья этническая (само-)идентификация и языковая компетенция неизвестны или до конца не ясны исследователям.

Как видно из схемы 6, жены первых представителей рода Тахировичей, оказавшихся в Веля-Горане, были албанками из Миде — села, из которого происходят Тахировичи. Брачная география последующих поколений включает не только соседние албаноязычные области. Нвест брали из албанских сел Ана-э-Малит: Миде, Круте, Клезна, Владимир / Катркола (чрнг. *Mide* / алб. *Millë*, чрнг. *Krute* / алб. *Krythë*, чрнг. *Klezna* / алб. *K(ë)llezñë*, чрнг. *Vladimir* / алб. *Katërkollë*), из билингвальных сел мрковичей (Пелинковичи; на протяжении XX века заключались и браки внутри села с Вучичами, которые ранее были билингвальные), а иногда и из монолингвальных сел, включая соседнюю Мала-Горану.

Фамильное древо на схеме 7 отображает генеалогию «настоящих» Ковачевичей. Жена их полулегендарного предка, возможно, была родом из Мала-Гораны и могла быть монолингвальной. Его сын женился на албанке из Миде, которая, вполне вероятно, могла иметь отношение к роду ближайших соседей, Тахировичей [ПМА: Морозова et al. 2014]. Браки с Вучичами и брачные связи с селами мрковичей (Луне, Куне, Добра-Вода) были довольно типичны для нескольких поколений Ковачевичей, включая нынешнее старшее поколение 1930–1940-х гг.

Схема 6. Семейное древо Тахировичей

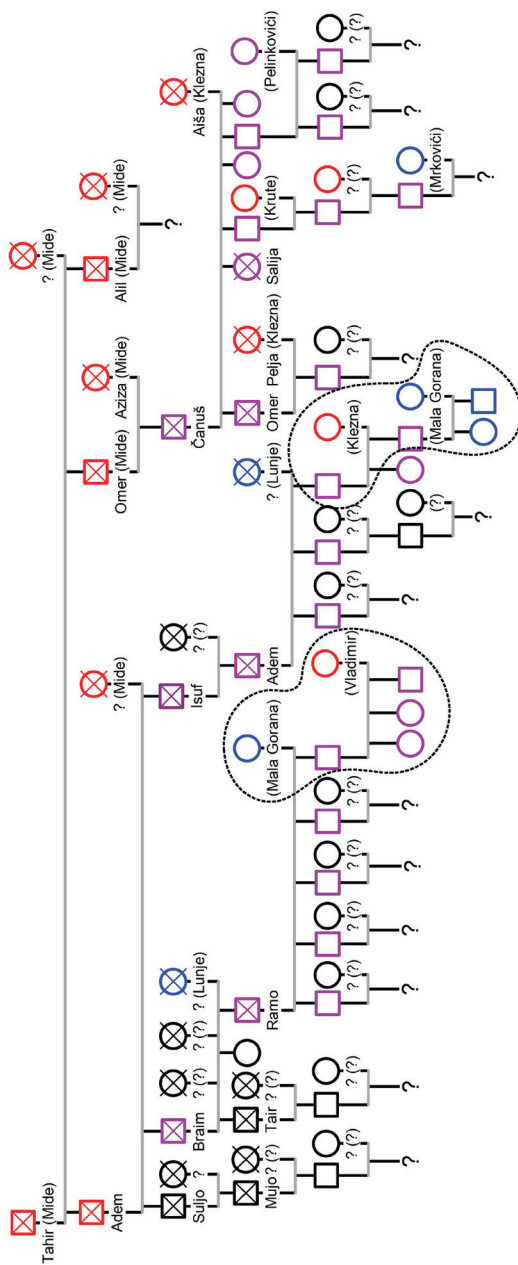
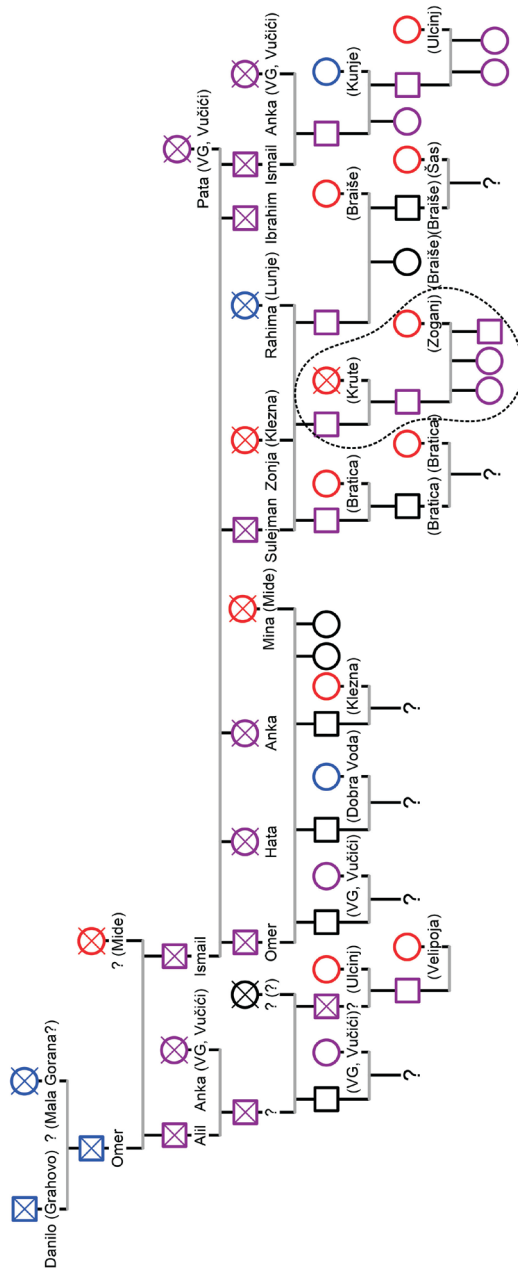

Схема 7. Семейное древо Ковачевичей

рождения²⁷, а невестки из албанских сел имеются почти в каждом поколении вплоть до настоящего времени. Сравнение схем 6 и 7 показывает, что после «слияния» роды Ковачевичей и Тахировичей следуют схожим брачным стратегиям, с постоянным преобладанием брачных связей с албанскими селами и, в некоторой степени, соседней Мала-Гораной.

Мы можем заключить, что сообщество Веля-Гораны представляет собой пример относительно недавнего переселения, которое произошло в рамках микромиграционных процессов, характерных для запада Балкан. Предками нынешних членов сообщества являются монолингвальные (или билингвальные) албанцы и монолингвальные исламизированные славяне. Племенная и особенно лингвистическая экзогамия, которая типична для некоторых районов черногорско-албанского пограничья и наблюдается в Веля-Горане, изначально не могла быть привычной стратегией для Ковачевича, выходца из этнически и лингвистически однородного славяноязычного региона в окрестностях Грахова, а может быть, и для албанцев Тахировичей. Вероятнее всего, их потомки усвоили (или развили) эту стратегию, едва оказавшись в близком соседстве.

Упомянутый здесь феномен лингвистической экзогамии нуждается в дальнейшем изучении, но уже сейчас можно предположить, что именно наличие албаноязычного компонента было важным фактором в ситуациях, подобных Веля-Горане или племени кучи (см. сноску 15). В этнически смешанном сообществе Веля-Гораны изначально присутствие албанцев и характерная для них тенденция жениться на албанках стали важными предпосылками для естественного развития или (повторного) возникновения экзогамных брачных стратегий и для создания относительно стабильной ситуации билингвизма и языкового контакта.

5. Заключение

Поиски «сбалансированного языкового контакта» в селе Веля-Горана показали, что ситуация в изучаемом сообществе, соответствующая в целом ранее предложенным определениям подобных ситуаций (см. параграф 1.2), на семейном уровне складывается из ряда микроситуаций, и по крайней мере некоторые из них имеют довольно неоднородный и, как следствие, неравновесный характер. Неравновесность усиливается по мере приближения к уровню индивидуальных носителей языка: на схемах, приведенных в параграфе 3.1, представлены как билингвы, так

²⁷ Сейчас Ковачевичи стараются не брать невест из Вучичей и не выдавать за них дочерей. По их словам, после нескольких поколений браков между двумя семьями могла возникнуть некоторая степень кровного родства, делающая дальнейшие брачные отношения недопустимыми [ПМА: Морозова 2015в].

и монолингвы (сосредоточенные, правда, в одной из четырех рассмотренных семей), а языки, которыми владеют билингвы, практически всегда играют даже в семейной коммуникации неодинаковую роль (один используется чаще, т. е. «доминирует»). Важно отметить при этом одну существенную черту, достаточно хорошо отраженную на схемах 1–5: если языковая компетенция жителя Веля-Гораны (количество языков, которыми он владеет) меняется в течение его жизни, развитие всегда идет от монолингвизма к билингвизму. Наблюдая эту тенденцию в нескольких поколениях, мы можем констатировать сохранение билингвальной ситуации в селе («...постоянно воспроизводится длительное состояние двуязычия достаточно больших групп людей», согласно [Соболев 2015: 542]).

Как представляется, главным фактором для такого сохранения является продолжающийся приток невесток-албанок. Однако билингвальные «горанцы» могут брать в жены не только албанок, но и «мрковок» из соседних монолингвальных сел. Для последних овладение вторым языком (албанским) является фактом их относительно свободного выбора — в отличие от албанок, для которых освоение второго языка практически обязательно. Такое положение дел (объясняемое, по всей видимости, свойственным уроженцам Веля-Гораны ощущением принадлежности к славяноязычному сообществу мрковичей) приводит к своего рода асимметрии билингвальной ситуации в динамическом плане: превентивует дрейф горанских семей и индивидуальных говорящих в сторону албанского монолингвизма, но не мешает движению на семейном уровне к монолингвизму славянскому, при сохранении исходного билингвизма у отдельных членов семьи (см. схему 4). Одним из проявлений несимметричности на уровне индивидуального говорящего является отмеченная в параграфе 3.2 смена языковой доминанции у пожилых албанок. Нарушение симметрии является, как кажется, потенциальной угрозой стабильности билингвальной ситуации в Веля-Горане.

С лингвистической точки зрения, следствием рассматриваемой ситуации сбалансированного контакта становятся инновации в албанском и черногорском, подобные примерам в 1.1, которые не приводят к существенной перестройке какого-нибудь фрагмента языковой системы. Открытый характер сообщества, определяемый постоянным притоком монолингвальных славянок и би- или монолингвальных албанок из соседних областей, а также контакты с албанским и черногорским языком вне села «ограждают» контактирующие идиомы от более быстрых и радикальных изменений.

Фамильные деревья позволяют нам наблюдать билингвальную ситуацию в Веля-Горане *in statu nascendi*. В этом плане важным представляется предположение о том, что для этнических славян (в нашем

случае «настоящих» Ковачевичей) толчком к возникновению своего рода лингвистической экзогамии в Веля-Горане мог послужить пример соседей-албанцев (Тахировичей) с характерной для них тенденцией жениться на албанках из соседних сел или областей. Лингвистическая экзогамия является, таким образом, эпифеноменальным следствием экзогамии родовой.

Было бы крайне соблазнительным предположить, что ситуация, характеризующая в настоящее время Веля-Горану, могла быть свойственна до XVIII века всей области Мрковичи. На это как будто бы указывает раннее наличие среди мрковичей этнических албанцев (см. 2.2 об албанской антропонимике в Мрковичах в XV веке) и сообщения исследователей о более широком распространении в прошлом тенденции брать в жены албанок [Јовићевић 1922: 113]. Однако проблема эта, несомненно, нуждается в специальном изучении. Это же в еще большей степени относится и к распространению ситуации межязыковых и межэтнических контактов, описанной нами для Веля-Гораны, на другие области Балканского полуострова. Мы видим, что динамическое развитие этой ситуации зависит от констелляции множества факторов — конкретно-исторических (этнический и языковой ландшафт, окружающий данное сообщество; войны; политическая ситуация; характер государственных границ) и субъективных (языковые предпочтения членов сообщества, см. в этой связи описание ситуации в семье, представленной на схеме 4 в параграфе 3.1). Это не может не привести нас к конечному выводу о том, что лишь изучение как можно большего количества контактных ситуаций на микроуровне позволит достичь лучшего понимания процессов образования больших языковых ареалов — на Балканах и за их пределами.

Библиография

Вахтин, Головко 2004

Вахтин Н. Б., Головко Е. В., *Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие*, Санкт-Петербург, 2004.

Вујовић 1969

Вујовић Л., «Мрковички дијалекат (с кратким освртом на суседне говоре)», *Српски дијалектолошки зборник*, 18, Београд, 1969, 73–399.

Десницкая 1968

Десницкая А. В., *Албанский язык и его диалекты*, Ленинград, 1968.

— 1976

Десницкая А. В., «Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов)», in: Иванов В. В., Корольюк В. Д., Литаврин Г. Г., Наумов Е. П., Толстой Н. И., ред., *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография*, Москва, 1976, 186–197.

Бурђев 1984

Бурђев Б., *Постанак и развитак брдских, црногорских и херцеговачких племена. Одабрани радови* (= Црногорска академија наука и умјетности. Посебни радови. 4), Титоград, 1984.

Ердељановић 1907/1981

Ердељановић Ј., «Кучи», in: *Idem.*, *Кучи, Братоножићи, Пипери*, Београд, 1981, 1–343.

— 1926/1997

Ердељановић Ј., «Стара Црна Гора: Етничка прошлост и формирање црногорских племена», in: *Idem.*, *Стара Црна Гора: Етничка прошлост и формирање црногорских племена. Етничко сродство бокела и црногораца*, Подгорица, 1997, 1–965.

Иванова 1988

Иванова Ј. В., «Албанци», in: Иванова Ј. В., Кашуба М. С., Красновская Н. А., отв. ред., *Брак у народова Центральной и Југо-Восточной Европы*, Москва, 1988, 182–205.

Ивић 1985

Ивић П., *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје*, 2 изд., Београд, 1985.

Историја 1970

М. Буровић et al., ред., *Историја Црне Горе. Књига друга. Од краја XII до краја XV вијека. Том други. Црна Гора у доба обласних господара*, Титоград, 1970.

Историја 1975

М. Буровић et al., ред., *Историја Црне Горе. Књига трећа. Од почетка XVI до краја XVIII вијека. Том први*. Титоград, 1975.

Јовићевић 1922

Јовићевић А., «Црногорско приморје и Крајина», in: *Српски етнографски зборник*, 11, Београд, 1922, 1–269.

Морозова 2017а

Морозова М. С. «Албански говор или говори Гораны? Генезис и функционирање», in: *Вестник СПбГУ. Јазик и литература*, 14(2), 2017, 222–237, DOI: 10.21638/11701/srbu09.2017.207.

— 2017б

Морозова М. С., «Парадокс истраживача на Балкану: прекључење кодова у билингвалних информаната при интервјуирању», in: Макареца М. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В., ред., *Балкански тезаурус: Вглед на Балкани извне и изнутра. Балканске читања 14. Тезиси и материјали. Москва, 18–20 априла 2017 година*, Москва, 2017, 137–143.

Ровински 1897

Ровински П. А., *Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Историја. — Етнографія. — Археологија. — Современное положеніе*, 2, 1, Санктпетербургъ, 1897.

Русаков 2007

Русаков А. Ј., «Славјански језици на Балкану: аспекти контактнагo взаимодејства», in: Иванов Вяч. Вс., отв. ред., *Ареално и генетичко в структури славјанских језиков. Материјали круглогo стола*, Москва, 2007, 77–89.

Пејовић, Каписода 2009

Пејовић С., Каписода М., ред., *Попис свега становништва Црне Горе по окружјима, варошима и селима (1879). Збирка документа*, 2, Цетиње, 2009.

Селицев 1931

Селицев А. М., *Славјанско население в Албани (с иллустрацијама в тексте и с картоу Албани)*, Софија, 1931.

Соболев 1990

Соболев А. Н., «Заметки о падежных системах сербохорватских говоров контактных зон», in: *Јужнословенски филолог*, 41, 1990, 13–28.

— 2015

Соболев А. Н., «Мрковици (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований», in: B. Demiraj, Hrsg., *Sprache und Kultur der Albaner: Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.–8. Juni 2014, Albanien, Bucimas bei Pogradec)*, Wiesbaden, 2015, 533–556.

— 2017

Соболев А. Н., «Языки симбиотических сообществ Западных Балкан: греческий и албанский в краине Химара, Албания», in: *Вестник СПбГУ. Язык и литература*, 14(3), 2017, 420–442, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.310.

Соболев et al. 2013

Соболев А. Н., Новик А. А., Домосилецкая М. В., Дугушина А. С., Ермолин Д. С., Колосова В. Б., Морозова М. С., Русаков А. Ю. *Голо Бордо (Gollobordë), Албания: Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг.*, Соболев А. Н., Новик А. А., ред., С.-Петербург, München, 2013.

Станишић 1995

Станишић В. *Српско-албански језички односи*. Београд, 1995.

Трактатъ 1906

«Трактатъ, заключенный между Россіей, Германіей, Австро-Венгріей, Франціей, Великобританіей, Италией и Турціей въ Берлинѣ (1) 13 Іюля 1878 г.»; по изд.: *Сборникъ дѣйствующихъ трактатовъ, конвенцій и соглашеній, заключенныхъ Россіей съ другими государствами. Издано по распоряженію г. Министра иностранныхъ дѣлъ. Томъ II. Изданіе второе*, С.-Петербургъ, 1906, 75–98.

Цвијић 1922/1966

Цвијић Ј., *Балканско полуострво и јужнословенске земље. Основи антропогеографије*, 1, Београд, 1966.

Adamou 2016

Adamou E., "Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance", in: *Slavica Helsingiensia*, 41 (= Lindstedt J., Wahlström M., eds., *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe*), 2012, 7–32.

Aikhenvald 2007

Aikhenvald A. Yu., "Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Perspective", in: Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. V., eds., *Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology* (= Explorations in Linguistic Typology 4), Oxford, UK, 2007, 1–66.

Banović 2015

Banović B., *The Montenegrin Warrior Tradition: Questions and Controversies over NATO Membership*, New York, 2015.

Bogdani 2005

Bogdani P., *Cuneus Prophetarum (Çeta e Profetëve): botim kritik me një studim hyrës, faksimile të origjinalit, transkriptim e shënime*, A. Omari, përg., Tiranë, 2005.

Bogišić 1874

Bogišić V., *Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih slovena. Knjiga prva. Gragja u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga juga*, Zagreb, 1874.

Bolizza 1614/1866

Bolizza M., "Relatione et descrizione. Del Sangiacato di Scuttari, dove si da piena contezza delle citta et siti loro, villagi, case et habitatori, rito, costumi, havere et armi di quei popoli et quanto

- di considerable minutamente si contenga in quel ducato, fatta da Mariano Bolizza, nobile di Cattaro. Di Venetia, li 25 maggio 1614", in: Lenormant F. *Turcs et Monténégrins*, Paris, 1866, 286–330.
- Curtis 2012
Curtis M.C. "Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence" (Ohio: the Ohio State University Ph.D. thesis, 2012).
- Fishman 1965
Fishman J. A., "Who Speaks What Language to Whom and When?", in: *La linguistique*, 2, 1965, 67–88.
- Gjinari et al. 2007
Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh., *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*, 1, Tiranë, Napoli, 2007.
- Hoxha 2001
Hoxha S., *Elemente leksikore shqipe në gjuhët sllave ballkanike*, Shkodër, 2001.
- Hristov 2015
Hristov P., "The Balkan Gurbet: Traditional Patterns and New Trends", in: Vermeulen H., Baldwin-Edwards M., van Boeschoten R., eds., *Migration in the Southern Balkans: From Ottoman Territory to Globalized Nation States*, Cham, Switzerland, 2015, 31–46, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-13719-3>.
- Instat 2011
"Të dhënat e përgjithshme të Census 2011. Tabela 1.1.12. Popullsia banuese sipas përkatësisë etnike dhe kulturore. Tabela 1.1.14. Popullsia banuese sipas gjuhës amtare", në: *Instat. Instituti i Statistikave* (<http://www.instat.gov.al/>; last access on: 02.04.2018).
- Joseph 2010
Joseph B. "Language Contact in the Balkans", in: Hickey R., ed., *The Handbook of Language Contact*, Malden, MA, 2010, 618–633.
- Kaser 2008
Kaser K., *Patriarchy after Patriarchy: Gender Relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000*, Berlin, Wien, 2008.
- Metanović 2012
Metanović M., "Istorija Mrkojevića", in: *Nevladina organizacija Mrkojevići* (<http://mrkojevici.me/istorija.html/>; last access on: 02.04.2018).
- Miloradović 2004
Miloradović S., "Analytismus in serbischen Dialekten", in: Hinrichs U., Hrsg., *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Wiesbaden, 2004, 303–318.
- Monstat 2011
"Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2011. godini. Tabela O17. Stanovništvo prema nacionalnoj, odnosno etničkoj pripadnosti po opštinama", in: *Monstat. Zavod za statistiku Crne Gore* (<http://www.monstat.org/>; last access on: 02.04.2018).
- Morozova (В печати)
Morozova M., "Language Contact and Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrkovići in Southern Montenegro", in: *Journal of Language Contact*, 2019 (в печати).
- Morozova, Rusakov (Рукопись)
Morozova M., Rusakov A., "Mutual Interference in a Multilingual Setting: The Case of Velja Gorana in Southern Montenegro", рукопись статьи.
- Mulaku, Bardhi 1978
Mulaku L., Bardhi M., "Mbi të folmet shqipe të Peshterit", in: *Studime gjuhësore, I, Dialektologji*, Prishtinë, 1978, 275–325.

Muysken 2010

Muysken P., "Scenarios for Language Contact", in: Hickey R., ed., *The Handbook of Language Contact*, Malden, MA, 2010, 265–281.

Omari 2012

Omari A., *Marrëdhëniet gjuhësore shqiptaro-serbe*, Tiranë, 2012.

Pižurica 1984

Pižurica M., *Tragovi međujezičkih dodira u govorima Crne Gore*, in: Миловић Ј. М., уред., *Црногорски говори. Резултати досадашњих испитивања и даљи рад на њиховом проучавању: зборник радова са научног скупа. Титоград, 12. и 13. мај 1983*, Титоград, 1984, 83–95.

Pulaha 1974

Pulaha S., *Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485*, Tiranë, 1974.

Roberts 2007

Roberts E., *Realm of the Black Mountain: A History of Montenegro*, Ithaca, New York, 2007.

Sekulović, Šaranović 2014

Sekulović B., Šaranović N. "Etničko kulturološki atlas Crne Gore. Zavod za statistiku Crne Gore – Monstat, 2011", in: *Завршна конференција о Попису становништва, домаћинства и станова 2011. године у Републици Србији „Све о Попису 2011“. Тара, 18–20. јуна 2014* (<http://media.popis2011.stat.rs/>; last access: 02.04.2018).

Sobolev 2012

Sobolev A. N., "Slavische Lehnwörter in albanischen Dialekten", in: Demiraj B., Hrsg., *Aktuelle Fragestellungen und Zukunftsperspektiven der Albanologie. Akten der 4. Deutsch-Albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung "50 Jahre Albanologie an der Ludwig-Maximilians-Universität München" (23.–25. Juni 2011, Gut Schönwag bei Wessobrunn)*, Wiesbaden, 2012, 215–232.

Šufflay 1925

Šufflay M., "Srbi i Arbanasi (njihova simbioza u srednjem vijeku)", in: Барић Х., уред., *Библиотека архива за арбанаску старину, језик и етнологију, Историска серија, 1*, Београд, 1925.

Thomason, Kaufman 1988

Thomason S.G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley, 1988.

Полевые материалы автора

ПМА: Морозова et al. 2014

Морозова М. С., Дугушина А. С., Новик А. А., Соболев А. Н. Полевые материалы автора. Черногория. Мрковичи и Горана (Добра-Вода, Далчевичи, Луне, Веля-Горана), 01.10.2014–05.10.2014. Расшифровка М.С. Морозовой.

ПМА: Морозова 2015а

Морозова М. С. Полевые материалы автора. Черногория. Мрковичи и Горана (Мала-Горана, Веля-Горана), 22.05.2015–30.05.2015. Расшифровка М.С. Морозовой.

ПМА: Морозова 2015б

Морозова М. С. Полевые материалы автора. Полевой дневник. Черногория. Мрковичи и Ана-э-Малит, 22.05.2015–30.05.2015. 13 с.

ПМА: Морозова 2015в

Морозова М. С. Полевые материалы автора. Черногория. Мрковичи и Горана (Веля-Горана), 11.10.2015–14.10.2015. Расшифровка М.С. Морозовой.

ПМА: Морозова, Соболев 2015

Морозова М. С., Соболев А. Н. Полевые материалы автора. Черногория. Село Веля-Горана, 13.10.2015. М.К., 1925 г.р., «горанец». Расшифровка М. С. Морозовой.

References

- Adamou E., "Social Networks in Greek Thrace: Language Shift and Language Maintenance", in: *Slavica Helsingiensia*, 41 (= *Balkan Encounters – Old and New Identities in South-Eastern Europe*, Lindstedt J., Wahlström M., eds.), 2012, 7–32.
- Aikhenvald A. Yu., "Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Perspective", in: *Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology* (= *Explorations in Linguistic Typology* 4), Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W., eds., Oxford, UK, 2007, 1–66.
- Banović B., *The Montenegrin Warrior Tradition: Questions and Controversies over NATO Membership*, New York, 2015.
- Bogdani P., *Cuneus Prophetarum (Çeta e Profetëve): botim kritik me një studim hyrës, faksimile të originalit, transkriptim e shënime*, A. Omari, përg., Tiranë, 2005.
- Curtis M. C., *Slavic-Albanian Language Contact, Convergence, and Coexistence* [Ohio: the Ohio State University Ph. D. thesis, 2012].
- Cvijić J., *Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje. Osnovi antropogeografije*, 1, Belgrade, 1966.
- Desnitskaya A. V., *Albanskii iazyk i ego dialekti*, Leningrad, 1968.
- Desnitskaya A. V., "Evolutsiia dialektnoi sistemy v usloviakh etnicheskogo smesheniia (iz istorii slaviano-albanskikh iazykovykh kontaktov)", in: *Voprosy etnogeneza i etnicheskoj istorii slavian i vostochnykh romantsev*, Ivanov Vyach. Vs., Korolyuk V. D., Litavrin G. G., Naumov E. P., Tolstoi N. I., eds., Moscow, 186–197.
- Đurović M. et al., eds., *Istorija Crne Gore. Knjiga druga. Od kraja XII do kraja XV vijeka. Tom drugi. Crna Gora u doba oblasnih gospodara*, Titograd, 1970.
- Đurović M. et al., eds., *Istorija Crne Gore. Knjiga treća. Od početka XVI do kraja XVIII vijeka. Tom prvi*, Titograd, 1975.
- Đurđev B., *Postanak i razvitak brđskih, crnogorskih i hercegovačkih plemena. Odabrani radovi* (= *Crnogorska akademija nauka i umetnosti. Posebni radovi*, 4), Titograd, 1984.
- Erdeljanović J., "Kući", in: Erdeljanović J., *Kući, Bratonožići, Piperi*, Belgrade, 1981, 1–343.
- Erdeljanović J., "Stara Crna Gora: Etnička prošlost i formiranje crnogorskih plemena", in: Erdeljanović J., *Stara Crna Gora: Etnička prošlost i formiranje crnogorskih plemena. Etničko srodstvo bokelja i crnogoraca*, Podgoritsa, 1997, 1–965.
- Fishman J. A., "Who Speaks What Language to Whom and When?", in: *La linguistique*, 2, 1965, 67–88.
- Gjinar J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh., *At-lasi dialektologik i gjuhës shqipe*, 1, Tiranë, Napoli, 2007.
- Hoxha S., *Elemente leksikore shqipe në gjuhët sllave ballkanike*, Shkodër, 2001.
- Hristov P., "The Balkan Gurbet: Traditional Patterns and New Trends", in: *Migration in the Southern Balkans: From Ottoman Territory to Globalized Nation States*, Vermeulen H., Baldwin-Edwards M., van Boeschoten R., eds., Cham, Switzerland, 2015, 31–46, DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-13719-3>.
- Ivanova Yu. V., "Albantsy", in: Ivanova Yu. V., Kashuba M. S., Krasnovskaya N. A., eds., *Brak u narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, Moscow, 1988, 182–205.
- Ivić P., *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokavsko narečje*, 2nd ed., Belgrade, 1985.
- Joseph B., "Language Contact in the Balkans", in: *The Handbook of Language Contact*, Hickey R., ed., Malden, MA, 2010, 618–633.
- Jovičević A., "Crnogorsko primorje i Krajina", in: *Srpski etnografski zbornik*, 11, Belgrade, 1922, 1–269.
- Kaser K., *Patriarchy after Patriarchy: Gender Relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000*, Berlin, Wien, 2008.
- Miloradović S., "Analytismus in serbischen Dialekten", in: *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp*, Hinrichs U., Hrsg. Wiesbaden, 2004, 303–318.
- Morozova M. S., "Albanian Dialect(s) of Gorana: Genesis and Functioning", in: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 14, 2 222–237, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.207.
- Morozova M. S., "Paradoks issledovatelja na Balkanakh: perekliuchenie kodov u bilingval'nykh informantov pri interv'uirovanii", in: *Balkanskii tezaurus: Vzgljad na Balkany izвне i iznutri. Balkanskie chteniia 14. Tezisy i materialy. Moskva, 18–20 aprilia 2017 goda*, Makartsev M. M., Sedakova I. A., Tsivian T. V., eds., Moscow, 2017, 137–143.
- Morozova M., "Language Contact and Social Context: Kinship Terms and Kinship Relations of the Mrkovići in Southern Montenegro", in: *Journal of Language Contact*, 2019 (in progress).
- Mulaku L., Bardhi M., "Mbi të folmet shqipe të Peshterit", in: *Studime gjuhësore*, 1, *Dialektologji*, Prishtinë, 1978, 275–325.
- Muysken P., "Scenarios for Language Contact", in: *The Handbook of Language Contact*, Hickey R., ed., Malden, MA, 2010, 265–281.
- Omari A., *Marrëdhëniet gjuhësore shqiptaro-serbe*, Tiranë, 2012.
- Pejović S., Kapisoda M., eds., *Popis svega stanovništva Crne Gore po okružjima, varošima i selima (1879). Zbirka dokumenata*, 2, Cetinje, 2009.
- Pižurica M., "Tragovi međujezičkih dodira u govorima Crne Gore", in: *Crnogorski govori. Rezultati dosadašnjih ispitivanja i dalji rad na njihovom proučavanju: zbornik radova sa naučnog skupa*, Titograd, 12. i 13. maj 1983, Milović J. M., eds., Titograd, 1984, 83–95.
- Pulaha S., *Defteri i regjistrimit të Sanxhakut të Shkodrës i vitit 1485*, Tiranë, 1974.
- Roberts E., *Realm of the Black Mountain: A History of Montenegro*, Ithaca, New York, 2007.

Rusakov A. Yu., "Slavic languages on the Balkans: Aspects of contactinduced development", in: *Areal'noie i geneticheskoe v strukture slavianskikh iazykov. Materialy krugoloznogo stola*, Ivanov Vyach. Vs., ed., Moscow, 2007, 77–89.

Sekulović B., Šaranović N. "Etničko kulturološki atlas Crne Gore. Zavod za statistiku Crne Gore – Monstat, 2011", in: *Završna konferencija o Popisu stanovništva, domaćinstva i stanova 2011. godine u Republici Srbiji "Sve o Popisu 2011". Tara, 18–20. juna 2014* (<http://media.popis2011.stat.rs/>; last access on: 02.04.2018).

Selishchev A. M., *Slavianskoie naselenie v Albanii (s ilustratsijami v tekste i s kartoi Albanii)*, Sofia, 1931.

Sobolev A. N., "Zametki o padezhnykh sistemakh serbokhorvatskikh govorov kontaktnykh zon", in: *Južnoslovenski filolog*, 41, 1990, 13–28.

Sobolev A. N., "Slavische Lehnwörter in albanischen Dialekten", in: *Aktuelle Fragestellungen und Zukunftsperspektiven der Albanologie. Akten der 4. Deutsch-Albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung "50 Jahre Albanologie an der Ludwig-Maximilians-Universität München" (23.–25. Juni 2011, Gut Schönmag bei Wessobrunn)*, Demiraj B., Hrsg., Wiesbaden, 2012, 215–232.

Sobolev A. N., "Mrkovichi (i Gorana)": iazyki i dialekty chernogorskogo Primor'ia v kontekste noveishikh balkanisticheskikh issledovanii", in: *Sprache und Kultur der Albaner: Zeitliche und räumliche Dimensionen*.

Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.–8. Juni 2014, Albanien, Bucimas bei Pogradec), Demiraj B., Hrsg., Wiesbaden, 2015, 533–556.

Sobolev A. N., "Languages in Western Balkan symbiotic societies: Greek and Albanian in Himara, Albania", in: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 14, 3, 2017, 420–442, DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.310.

Sobolev A. N., Novik A. A., Domosiletskaya M. V., Dugushina A. S., Ermolin D. S., Kolosova V. B., Morozova M. S., Rusakova A. Yu., *Golo Bordo (Gollobordë), Albanii: Iz materialov balkanskoj ekspeditsii RAN i SPbGU 2008–2010 gg.*, Sobolev A. N., Novik A. A., eds., St. Petersburg, München, 2013.

Stanišić V., *Srpsko-albanski jezički odnosi*, Belgrade, 1995.

Šufflay M., "Srbi i Arbanasi (njihova simbioza u srednjem vijeku)", in: *Biblioteka arhiva za arbanasku starinu, jezik i etnologiju, Istoriska serija*, 1, Barić H., ed., Belgrade, 1925.

Thomason S. G., Kaufman T., *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*, Berkeley, 1988.

Vakhtin N. B., Golovko E. V., *Sotsiolingvistika i sotsiologija iazyka. Uchebnoe posobie*, St. Petersburg, 2004.

Vujović L., "Mrkovički dijalekat (s kratkim osvrtom na susjedne govore)", in: *Srpski dijalekološki zbornik*, 17, Belgrade, 1969, 73–399.

Мария Сергеевна Морозова, канд. филол. наук,
научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения
индоевропейских языков и ареальных исследований Института
лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН),
старший преподаватель кафедры общего языкознания филологического
факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
199004 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Россия / Russia
morozovamaria86@gmail.com

Александр Юрьевич Русаков, доктор филол. наук,
главный научный сотрудник отдела сравнительно-исторического
изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института
лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН),
профессор кафедры общего языкознания филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)
199004 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Россия / Russia
ayurusakov@gmail.com

Received April 9, 2018